

Сетевое издание

Издается с 2021 года

Выходит 4 раза в год

Учредитель и издатель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова»

Издание включено в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

## РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор: *П. В. Сивцева-Максимова*, д. филол. н., профессор, СВФУ, Якутск, РФ.

Заместитель главного редактора: *О. И. Иванова*, к. филол. н., доцент, СВФУ, Якутск, РФ.

Выпускающий редактор *В. Е. Степанова*, к. филол. н., СВФУ, Якутск, РФ.

## Члены редакционной коллегии:

*К. К. Бауаев*, д. филол. н., доцент, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, РФ;

*В. А. Бигуаа*, д. филол. н., ИМЛИ РАН, РФ;

*А. А. Бурцев*, д. филол. н., профессор, СВФУ, РФ;

*Л. П. Григорьева*, к. филол. н., доцент, СВФУ, РФ;

*У. А. Донгак*, к. филол. н., Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований, РФ;

*Л. С. Ефимова*, д. филол. н., доцент, СВФУ, РФ;

*В. В. Илларионов*, д. филол. н., профессор, СВФУ, РФ;

*С. С. Имхелова*, д. филол. н., профессор, Бурятский государственный университет, РФ;

*И. А. Керимов*, д. филол. н., профессор, Крымский инженерно-педагогический университет им. Февзи Якубова, РФ;

*Б. Т. Койчугев*, д. филол. н., профессор, Кыргызско-Российский Славянский университет, Кыргызстан;

*Р. А. Кудрявцева*, д. филол. н., профессор, Марийский государственный университет, РФ;

*Р. Г. Кулиева*, д. филол. н., профессор, Бакинский славянский университет, Азербайджан;

*С. О. Курьянов*, д. филол. н., доцент, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, РФ;

*Н. С. Майнагашева*, к. филол. н., Хакасский НИИ языка, литературы и истории, РФ;

*Б. Б. Манджиева*, д. филол. н., Калмыцкий научный центр РАН, РФ;

*О. А. Мельничук*, д. филол. н., доцент, СВФУ, РФ;

*Л. Х. Мухаметзянова*, д. филол. н., Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН Республики Татарстан, РФ;

*М. Х. Надергулов*, д. филол. н., Уфимский федеральный исследовательский центр РАН, РФ;

*В. Б. Озкан*, д. филол. н., ИМЛИ РАН, РФ;

*В. Б. Окорокова*, д. филол. н., доцент, СВФУ, РФ;

*Ю. Б. Орлицкий*, д. филол. н., Российский государственный гуманитарный университет, РФ;

*Ж. В. Охлопкова*, к. филол. н., ИГиИПМНС СО РАН, РФ;

*Н. В. Покатилова*, д. филол. н., профессор, ИГиИПМНС СО РАН, РФ;

*Л. Н. Романова*, к. филол. н., ИГиИПМНС СО РАН, РФ;

*Л. Н. Савина*, д. филол. н., доцент, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, РФ;

*Л. И. Сазонова*, д. филол. н., ИМЛИ РАН, РФ;

*В. Г. Семенова*, д. филол. н., доцент, СВФУ, РФ;

*К. К. Султанов*, д. филол. н., профессор, ИМЛИ РАН, РФ;

*А. Т. Хамраев*, д. филол. н., профессор, Институт литературы и искусства им. М.О. Ауэзова, Казахстан;

*Ю. Г. Хазанкович*, д. филол. н., доцент, СВФУ, РФ;

*Н. А. Хубитдинова*, д. филол. н., Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, РФ.

Адрес учредителя и издателя: 677000, Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Белинского, 58

Адрес редакции: 677000, Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Кулаковского, 42, каб. 228

Телефон: +7 (4112) 49-67-54

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова

<https://www.litteraesvfu.ru>

Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС 77-83020 выдано 31 марта 2022 года Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

The founder and publisher is Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “M. K. Ammosov North-Eastern Federal University”

The Online edition is included into the system of Russian Scientific Quotation Index (RSQI)

## EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief: *P. V. Sivtseva-Maksimova*, Dr. Sci. in Philology, Professor, NEFU, Yakutsk, Russian Federation.

Deputy Chief Editor: *O. I. Ivanova*, Cand. Sci. in Philology, Associate Professor NEFU, Yakutsk, Russian Federation.

Issuing Editor: *V. E. Stepanova*, Cand. Sci. in Philology, NEFU, Yakutsk, Russian Federation.

### Members of the Editorial Board:

*K. K. Bauaev*, Dr. Sci. in Philology, Associate Professor, Kh.M. Berbekov Kabardino-Balkarian State University, Russian Federation;

*V. A. Biguaa*, Dr. Sci. in Philology, Institute of World Literature of the RAS, Russian Federation;

*A. A. Burtsev*, Dr. Sci. in Philology, Professor, NEFU, Russian Federation;

*L. P. Grigoryeva*, Cand. Sci. in Philology, Associate Professor, NEFU, Russian Federation;

*U. A. Dongak*, Dr. Sci. in Philology, Tuva Institute of Humanities and Applied Socio-Economic Research, Russian Federation;

*L. S. Efimova*, Dr. Sci. in Philology, Associate Professor, NEFU, Russian Federation;

*V. V. Illarionov*, Dr. Sci. in Philology, Professor, NEFU, Russian Federation;

*S. S. Imikhelova*, Dr. Sci. in Philology, Professor, Buryat State University, Russian Federation;

*I. A. Kerimov*, Dr. Sci. in Philology, Professor, Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University, Russian Federation;

*B. T. Koichuev*, Dr. Sci. in Philology, Professor, Kyrgyz-Russian Slavic University, Kyrgyzstan;

*R. A. Kudryavtseva*, Dr. Sci. in Philology, Professor, Mari State University, Russian Federation;

*R. G. Kuliyeva*, Dr. Sci. in Philology, Professor, Baku Slavic University, Azerbaijan;

*S. O. Kuryanov*, Dr. Sci. in Philology, Associate Professor, V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Russian Federation;

*N. S. Mainagasheva*, Cand. Sci. in Philology, Khakass Research Institute of Language, Literature and History, Russian Federation;

*B. B. Mandzhieva*, Dr. Sci. in Philology, Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation;

*O. A. Melnichuk*, Dr. Sci. in Philology, Associate Professor, NEFU, Russian Federation;

*L. Kh. Mukhametzyanova*, Dr. Sci. in Philology, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art, Republic of Tatarstan Academy of Sciences, Russian Federation;

*N. Kh. Nadergulov*, Dr. Sci. in Philology, Ufa Federal Research Center of RAS, Russian Federation;

*V. B. Ozkan*, Dr. Sci. in Philology, Institute of World Literature of the RAS, Russian Federation;

*V. B. Okorokova*, Dr. Sci. in Philology, Associate Professor, NEFU, Russian Federation;

*Y. B. Orlitskiy*, Dr. Sci. in Philology, Russian State University for the Humanities, Russian Federation;

*Zh. V. Okhlopova*, Cand. Sci. in Philology, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of SB RAS, Russian Federation;

*N. V. Pokatilova*, Dr. Sci. in Philology, Professor, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of SB RAS, Russian Federation;

*L. N. Romanova*, Cand. Sci. in Philology, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of SB RAS, Russian Federation;

*L. N. Savina*, Dr. Sci. in Philology, Associate Professor, Volgograd State Socio-Pedagogical University, Russian Federation;

*L. I. Sazonova*, Dr. Sci. in Philology, Institute of World Literature of the RAS, Russian Federation;

*V. G. Semenova*, Dr. Sci. in Philology, Associate Professor, NEFU, Russian Federation;

*K. K. Sultanov*, Dr. Sci. in Philology, Professor, Institute of World Literature of the RAS, Russian Federation;

*Yu. G. Khazankovich*, Dr. Sci. in Philology, Associate Professor, NEFU, Russian Federation;

*A. T. Khamraev*, Dr. Sci. in Philology, Professor, M. O. Auezov Institute of Literature and Art, Kazakhstan;

*N. A. Khubbitdinova*, Dr. Sci. in Philology, M. Akmulla Bashkir State Pedagogical University, Russian Federation.

Founder and publisher address: NEFU, 58 Belinskogo str., Yakutsk, Republic of Sakha (Yakutia), Russia, 677000

Editorial office address: NEFU, 42 Kulakovskiy str., office 228, Yakutsk, Republic of Sakha (Yakutia), Russia, 677000

Telephone: +7 (4112) 49-67-54

<https://www.litteraesvf.ru>

Registration certificate ЭЛ No ФЦ 77-83020 issued 31 March 2022 by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor)

---

---

## СОДЕРЖАНИЕ

---

### ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

|                                                                                                                                      |    |
|--------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|----|
| <i>Иголина С. В.</i> Медицинская тема в русской литературе.....                                                                      | 5  |
| <i>Керимова Р. А.</i> Дialeктика трагического и комического в сборнике рассказов                                                     |    |
| <i>Х. Ж. Аккаева</i> «Красная скала».....                                                                                            | 14 |
| <i>Челтыгмашева Л. В.</i> Художественное отражение темы Великой Отечественной войны<br>в повести Н. Тиникова «Живые не умирают»..... | 21 |

### ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ ФОЛЬКЛОРА. ПОЭТИКА

|                                                                                                                                                                                  |    |
|----------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|----|
| <i>Симак Н. И.</i> Балтийский субстрат в творчестве Ю. К. Балтрушайтиса.....                                                                                                     | 34 |
| <i>Чайкина В. Ю.</i> Стихотворная поэтика М. Гронаса: внутренняя рифма как частный случай повтора<br>(на материале сборников «Дорогие сироты» и «Краткая история внимания»)..... | 44 |

### РЕЦЕНЗИЯ

|                                                                                                                                                 |    |
|-------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|----|
| <i>Николаев В. П.</i> Рецензия на книгу «Плач сердца материнского» народного поэта<br>Республики Саха (Якутия) Ивана Васильевича Мигалкина..... | 55 |
|-------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|----|

---

---

## CONTENT

---

### LITERARY STUDIES. LITERARY CRITICISM

|                                                                                                                                             |    |
|---------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|----|
| <i>Igonina S. V.</i> Medical theme in Russian literature.....                                                                               | 5  |
| <i>Kerimova R. A.</i> The dialectic of the tragic and the comic in the collection of stories<br>by Hajimurat Akkaev “Red Rock”.....         | 14 |
| <i>Cheltygmasheva L. V.</i> Artistic reflection of the Great Patriotic War theme in Nikolai Tinikov’s novel<br>“The living do not die”..... | 21 |

### FOLKLORE IN LITERATURE. POETICS

|                                                                                                                                                                                               |    |
|-----------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|----|
| <i>Simak N. I.</i> The Baltic substrate in the works by Jurgis Baltrušaitis.....                                                                                                              | 34 |
| <i>Chaikina V. Yu.</i> Verse’s poetics of Mikhail Gronas: internal rhyme as a special case of repetition<br>(based on the collections “Dear Orphans” and “A Brief History of Attention”)..... | 44 |

### REVIEW

|                                                                                                                                                        |    |
|--------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|----|
| <i>Nikolaev V. P.</i> Review on the book “The Crying of the Mother’s Heart” by the People’s Poet of the Sakha<br>Republic (Yakutia) Ivan Migalkin..... | 55 |
|--------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|----|

– ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА –

УДК 821.161.1

<https://doi.org/10.25587/2782-6635-2025-3-5-13>

Оригинальная научная статья

## Медицинская тема в русской литературе

**С. В. Игонина**

Технический институт (филиал), Северо-Восточный федеральный университет  
имени М.К. Аммосова, г. Нерюнгри, Российская Федерация

✉ [igoninasv@svfu.ru](mailto:igoninasv@svfu.ru)

### Аннотация

Медицинская тема в русской литературе представлена очень широко и разнообразно, что обуславливает актуальность и новизну данной работы. Цель исследования – рассмотреть особенности представления медицинской темы в русской литературе на протяжении ее развития, начиная с древнерусской литературы и заканчивая литературой XX–XXI вв. Для достижения цели применялись сравнительный метод и метод анализа художественных текстов на уровне мотивно-образной организации. В результате проведенного исследования автор пришел к следующим выводам: в древнерусской литературе медицинская тема всегда имеет религиозный характер: болезнь рассматривается как наказание за грехи или испытание веры болящего. В классицистической литературе XVIII в. (А. Кантемир, Д. Фонвизин) представлен образ врача-шарлатана, который «лечит» таких же пациентов-невежд. Это связано и с особенностями низких жанров, в которых появляется данная тема. В XIX в. в литературе реализма медицинская тема получает широкое распространение за счет представленности ее с двух точек зрения – врача и пациента. Внимание уделяется и физическим, и душевным заболеваниям. Часть авторов (Н. В. Гоголь) продолжают традицию юмористического или сатирического изображения врачей и пациентов, другие (А. И. Герцен, Л. Н. Толстой, А. П. Чехов) рассматривают изменение мировоззрения врача, проходящего путь от восторженного идеалиста до жадного обывателя. Большая часть авторов уделяет внимание драматическому описанию пациентов, страдающих от того или иного недуга, который также выступает символом болезни всего общества. В XX в. писатели (М. А. Булгаков, М. Зощенко, В. Шаламов) фокусируют внимание читателя на медицинском описании болезни, тяжелой работе и душевных переживаниях врачей, чередуя его с точкой зрения пациента, страдающего от того или иного заболевания и меняющего из-за этого свое мировосприятие.

**Ключевые слова:** медицинская тема, русская литература, литературная традиция, литературное направление, классицизм, реализм, мотивно-образная организация, образ врача, образ пациента, Н. В. Гоголь, А. И. Герцен, А. П. Чехов, М. А. Булгаков

**Финансирование.** Исследование не имело финансовой поддержки

**Для цитирования:** Игонина С. В. Медицинская тема в русской литературе. *Вопросы национальных литератур. Issues of national literature.* 2025, № 3 (19). С. 5–13. <https://doi.org/10.25587/2782-6635-2025-3-5-13>

*Original article*

## Medical theme in Russian literature

**Svetlana V. Igonina**

Technical Institute (branch) of M. K. Ammosov North-Eastern Federal University in Neryungri,  
Neryungri, Russian Federation  
igoninasv@svfu.ru

### Abstract

The medical theme in Russian literature is presented very widely and diversely, which determines the relevance and novelty of this work. The aim of the study is to examine the features of the presentation of medical topics in Russian literature throughout its development, starting with Old Russian literature and ending with the literature of the 20<sup>th</sup>–21<sup>st</sup> centuries. For this purpose, the comparative method and the method of analyzing artistic texts at the level of motive-figurative organization were used. As a result of the conducted research, the author came to the following conclusions. In Old Russian literature, the medical theme always has a religious character: illness is considered a punishment for sins or a test of the faith of the sick person. In the classic literature of the 18<sup>th</sup> century (A. Kantemir, D. Fonvizin), the image of a charlatan doctor who "treats" the same ignorant patients is presented. This is also connected with the peculiarities of the low genres in which this theme appears. In the 19<sup>th</sup> century in the literature of realism, the medical theme is widely spread due to its presentation from two points of view: the doctor and the patient. Attention is paid to both physical and mental illnesses. Some authors (N. Gogol) continue the tradition of humorous or satirical depictions of doctors and patients, while others (A. Herzen, L. Tolstoy, A. Chekhov) examine the change in the worldview of a doctor, who goes from an enthusiastic idealist to a greedy philistine. Most of the authors pay attention to the dramatic description of patients suffering from one or another illness, which also acts as a symbol of the illness of the whole society. In the 20<sup>th</sup> century, writers (M. Bulgakov, M. Zoshchenko, V. Shalamov) focus the reader's attention on the medical description of the disease, the hard work and emotional experiences of doctors, alternating it with the point of view of a patient suffering from one or another disease and changing his worldview because of this.

**Keywords:** medical theme, Russian literature, literary tradition, literary movement, classicism, realism, motivic and figurative organization, image of a doctor, image of a patient, N. Gogol, A. Herzen, A. Chekhov, M. Bulgakov

**Funding.** No funding was received for writing this manuscript

**For citation:** Igonina S. V. Medical theme in Russian literature. *Issues of national literature*. 2025, No. 3 (19), Pp. 5–13. <https://doi.org/10.25587/2782-6635-2025-3-5-13>

### Введение

Медицинская сфера является неотъемлемой частью жизни любого человека, особенно в современных условиях. От рождения и до смерти люди привязаны к медицинским учреждениям в связи с необходимостью следить за своим здоровьем из-за требований социума и личной ответственности. Художественная литература как отражение общественной жизни тоже описывает медицинскую тему через образы врачей, пациентов и их близких, через мотивы болезни, выздоровления, жизни и смерти. Однако представленность данной темы в разные периоды русской литературы является неоднородной в связи со спецификой ведущего литературного течения и направления, важности данной темы в мировоззрении писателя и его творчестве, а также способе реализации темы с разных точек зрения.

Актуальность изучения медицинской темы в художественной литературе в современных условиях неоспорима. Это связано с возросшей значимостью здоровья для каждого человека, его ответственностью перед собой и обществом. Поддерживая здоровье, люди сохраняют возможность зарабатывания денег; предупреждение заболеваний оказывается более экономически выгодным, чем лечение. Художественная литература как часть массовой культуры может повышать интерес к данной сфере человеческой жизни, уровень ответственности человека за себя и свое здоровье и популяризировать медицинскую науку, рассказывая об открытиях или упрощая знакомство с данной стороной жизни человека. Значимость медицинской темы в художественных текстах приводит к ее изучению в литературоведении.

Медицинскую тему в русской литературе и связанные с ней образы и мотивы изучали такие исследователи, как И. М. Гейзер, Е. И. Лихтенштейн, А. Е. Грейсер, В. Н. Захаров, А. В. Литвинов, И. А. Литвинова, А. А. Соломонова и др., уделяя внимание как представленности медицинской темы в литературе в целом, так и рассматривая ее реализацию в творчестве отдельных писателей

(А. П. Чехова, М. А. Булгакова, Л. Н. Толстого и др.).

Однако в литературе данная тема представлена в разных проявлениях и объемах в зависимости от специфики литературного процесса в тот или иной период. Медицинская тема представлена единичными случаями в литературе XVIII в. (А. Кантемир, Д. Фонвизин). В литературе XIX в. она будет реализовываться гораздо полнее, причем с точки зрения и пациента, и врача, из-за популярности натуральной школы и реализма, интереса авторов к внутреннему миру персонажей и социальной детерминированностью характеров: в творчестве Н. В. Гоголя, А. И. Герцена, Ф. М. Достоевского, Н. А. Некрасова, В. Г. Короленко и др. Расцветом медицинской темы можно считать XX в. – в связи с появлением писателей-врачей А. П. Чехова и М. А. Булгакова, которые подарили медикам возможность быть услышанными. С другой стороны, на популяризацию темы в творчестве М. А. Шолохова, А. Н. Толстого, Б. Пастернака, В. Высоцкого и др. авторов, в т. ч. современников, повлияли возросшая значимость медицины из-за научно-технического прогресса, открытий в данной науке, а также военных действий (русско-японская, гражданская война, Первая и Вторая мировые войны) и эпидемий. Кроме того, в современной литературе медицинская тема часто реализуется также через тему инклюзии. В данной статье рассмотрен вопрос о реализации данной темы в русской литературе на протяжении ее истории.

### **Материалы и методы**

Методика исследования основана на анализе художественных текстов русской литературы разных периодов, в которых представлена медицинская тема, в частности, анализ мотивов и образов, реализующих данную тему или связанных с ней: образы врачей и пациентов, мотивы болезни, выздоровления, смерти и утраты. Сравнительный метод позволил выявить сходства и различия в реализации данной темы в творчестве писателей. Кроме того, применялись элементы исторического и культурного методов, которые объясняют использование данной темы в творчестве авторов и особенности его реализации.

### **Результаты и обсуждение**

Медицинская тема в русской литературе на протяжении всей ее истории будет реализоваться за счет ряда мотивов и образов, которые в зависимости от ведущего направления и особенностей стиля автора получают разное наполнение и будут служить для разных целей в художественном тексте.

Медицинская тема реализуется за счет следующих ключевых образов:

1) образ врача, а также людей, близких по своим функциям к врачу: целителей, лекарей и т. д. В идеале врач представляет собой фигуру, символизирующую



знания, мудрость и силу, способную противостоять болезням и спасать человеческие жизни. В произведениях же данный образ чаще всего получает более реалистическую характеристику: он, как и другие люди, испытывает внутренние конфликты между долгом и желаниями, идеалом служения и действительностью. Однако он может быть представлен и образом врача-шарлатана, имеющего фольклорную и литературную (особенно классицистическую) традицию. Важно также отметить, что образы врачей могут быть несколько однобокими: «медицинский взгляд, функционирующий в ситуации лечения и в больничном локусе, фиксирует только необходимое врачу, пришедший воспринимается только как ходячая болезнь, а не человек» [1, с. 309];

2) образ пациента. Данный образ появляется чаще, чем образ врача, и может символизировать страх и беспомощность человека перед лицом болезни, страдание и муки человеческого существования. Его образ в случае неизлечимости болезни и неизбежности смерти подчеркивает трагизм ситуации, ставит вопросы о смысле жизни. С другой стороны, представлены и образы мнимых больных и больных, не знающих, чем они больны, но желающих внимания;

3) образ постороннего – родственника или близкого пациента, или врача, а также образ стороннего наблюдателя. Этот персонаж позволяет автору показать события глазами более объективного, чем врач или больной, зрителя, усиливая драматическое напряжение произведения или показывая эмоциональность вовлеченных в медицинский процесс участников.

Из важнейших мотивов для реализации медицинской темы можно отметить следующие:

1) мотив болезни. Болезнь рассматривается как испытание (Богом, судьбой), проверка характера, как элемент, влияющий на развитие сюжета или приводящий к изменению героя. Болезнь также может быть символом духовного состояния персонажа, отражая его внутренний кризис и распад личности. В литературе XIX в. особое внимание уделяется психическим и душевным заболеваниям, в том числе символизирующим деградацию личности;

2) мотив страдания. Физические и психологические страдания, сопровождающие болезнь, процесс лечения и выздоровления, подчеркивают тяжесть человеческого существования, позволяют раскрыть проблемы взаимоотношения человека с другими людьми, природой или собой и показать изменение характера;

3) мотив утраты/потери/смерти после болезни. Они реализуют тему смысла жизни, ее быстротечности и неизбежной конечности. Данные мотивы чаще всего реализуются в образах близких и родственников умерших, служат основой для экзистенциальных размышлений о человеческой природе и значимости жизни человека для отдельных личностей и для общества в целом.

Рассмотрим реализацию медицинской темы за счет мотивов и образов в разные периоды развития русской литературы на примере отдельных произведений и писателей.

В древнерусской литературе медицинская тема представлена очень скудно из-за специфики ее эстетики и поэтики (каноничность, религиозность, краткость, значительный масштаб описываемых событий), а также слабой распространенности врачей (или их эквивалентов – лекарей, которые могли рассматриваться в христианской литературе как враги веры и сторонники дьявола) и медицинских услуг.

В летописях упоминаются болезни в пересказываемых фрагментах из библии или житий святых, в контексте религиозной или политической значимости деятелей (смерть княгини Ольги после болезни в «Повести временных лет»). Помимо этого, болезнь может упоминаться как божественное наказание. Например, предание о воеводе Олеге, умершем от укуса змеи, можно трактовать как наказание за



приверженность язычеству [2]. Другая причина упоминания болезней – это массовый характер смерти (например, «погибли как обры» в «Повести временных лет»).

В житиях святых, а также произведениях, использующих элементы поэтики этого жанра, медицинская тема реализуется двумя ключевыми способами: болезнь как наказание за грехи или как божественное испытание и исцеление от болезни после раскаяния или как дар от Бога. Например, в «Житии Петра и Февронии» болезнь Петра (язвы по всему телу) появляется после его сражения с дьявольскими силами как месть врага, его проклятие. Исцеляет его чистая дева Феврония, чья способность воспринимается как дар свыше. Когда Петр нарушает данное им слово, болезнь возвращается, но после исправления снова исцеляется, на этот раз окончательно.

В литературе XVIII в. ведущим направлением был классицизм, который со своей строгой иерархией жанров позволял образу врача появляться только в средних и низких жанрах (дружеские письма и послания, комедии и басни), в которых он реализовывался в юмористическом ключе. Врач представлен в основном как шарлатан (в продолжение традиции литературы средних веков, Возрождения и, позже, творчества Мольера), который не получил специального медицинского (или вообще никакого) образования, но жаждет денег и потому выдает себя за доктора, при этом использует немногочисленные способы лечения сразу всех болезней, в том числе терпение и ожидание по типу «само пройдет».

Пренебрежительное отношение к врачам как к шарлатанам в русской культуре и литературе того времени было связано с рядом причин: настоящие профессиональные врачи были большой редкостью, так как работали на богатых людей и чаще всего были иностранцами (обычно немцами), которые не знали ни русского языка (или говорили на нем плохо), ни русской культуры. Иностранный акцент и несколько слов из медицинской сферы позволяли человеку (а потому и персонажу литературного произведения) выдавать себя за лекаря. С другой стороны, именно невежество потенциальных пациентов и позволяло медицинскому шарлатанству быть распространенным [3].

Например, в Сатире I А. Кантемира персонаж Силван описывает лекаря-шарлатана, который все болезни объясняет быстрой или медленной кровью пациента [4], при этом никак не лечит недуг, но пользуется уважением общества. В других сатирах поэта высмеивается страх обывателей перед науками, обучением и знанием вообще.

Д. Фонвизин в «Недоросле» представляет образ Вральмана, который дает «медицинские» советы Простаковой, хотя лекарств у него в арсенале немного, но все они надежны и проверены, в том числе и помещицей: не работать и не учиться, есть, спать и отдыхать вволю.

В XIX в. в русской литературе в сентиментализме и романтизме медицинская тема практически не представлена, т. к. не соответствует эстетике и поэтике направления. Романтизм ориентирован на внутренний мир героя, на его переживания и высокие устремления; телесности нет места. Исключения представлялись для лихорадок и обмороков героев («Бедная Лиза» Н. М. Карамзина, баллады В. А. Жуковского), которые обычно указывали на тонкую душевную организацию персонажей, отличали их от других персонажей – обывателей и лечились отдыхом.

Романтизм сменяется реализмом и, как следствие, повышенным интересом к реалиям действительности во всех ее проявлениях и причинно-следственными связями между разными явлениями. Кроме того, в связи со снижением роли мелкого дворянства и ростом значимости сословия разночинцев фундаментальные и прикладные (в том числе медицина) науки завоевывают все большую

популярность и распространенность. Выходцы из среднего сословия воспринимают работу врача как гуманистическую миссию – нести свет образования, выполнять высокий долг по отношению к обществу, просвещать широкие массы. Однако медицинская тема все равно получает разное звучание.

В творчестве Н. В. Гоголя образы, связанные с медицинской темой, выполняют чаще всего сатирическую функцию: врач-мошенник Гибнер из «Ревизора» [3], цирюльник-чинопочитатель Иван Яковлевич из повести «Нос». Аксентий Иванович Поприщин из повести «Записки сумасшедшего», с одной стороны, тоже является сатирическим образом и символизирует убожество, невежество и серость обывателей; с другой стороны, он сходит с ума из-за попытки найти смысл жизни и свое место в ней, но находит их только благодаря мании величия и преследования.

В творчестве А. И. Герцена представлен образ доктора Крупова в повестях «Кто виноват?» и «Доктор «Крупов». Особенность образа в первой повести заключается в том, что доктор является второстепенным персонажем, не вовлеченным в конфликт главных героев, что вместе с его профессией позволяет ему быть объективным сторонним наблюдателем. Вторая повесть представляет собой его записки, в которых он описывает людей с душевными заболеваниями или ментальными отклонениями. Причем часть этих пациентов – настоящие больные, пусть иногда без однозначного (из-за сложности и малоизученности заболеваний) диагноза. С другой стороны, он ставит разные вариации болезней и тем, кто считается обществом здоровыми: кухарке, которая позволяет мужу пить, а потом бить ее; ее мужу, который пьет, добровольно портя свое здоровье; постоянно ссорящимся супругам, которые не думают разводиться и многим другим. Таким образом, согласно исследованиям доктора Крупова, значительная часть социума является больными, но не подозревает об этом и не желает лечиться.

Ф. М. Достоевский, будучи сыном врача, вырос в доме при больнице, знал очень много и о работе врачей, и о выздоровлении и смерти пациентов, и о самых разных болезнях, что впоследствии отразил в своих произведениях. Он точно описывал и симптомы болезней, как физических, так и психических, и состояние больных. «Достоевский исходил из того, что здоровых людей нет, здоровые люди – это, скорее, исключение, чем правило» [5, с. 117], в его произведениях («Двойник», «Преступление и наказание», «Братья Карамазовы», «Бедные люди» и других) значительная часть персонажей так или иначе больны, в том числе душевно.

Значительная часть врачей в творчестве Ф. М. Достоевского имеет прототипы или строится на обобщенном образе доктора, преданного своему делу и свято соблюдающего клятву Гиппократу: доктор-психолог из произведения «Униженные и оскорбленные», доктор Герценштубе из «Братьев Карамазовых», старший врач московских тюремных больниц Федоре Петровиче Гаазе в романе «Идиот» [6, с. 48].

В творчестве Л. Н. Толстого медицинская тема представлена с точки зрения пациента или его родственников, причем внимание уделяется не столько симптоматическому или физическому описанию самой болезни, сколько мыслям героев, связанных с ней: это размышления об изменении жизни и ограничениях из-за болезни или травмы, философские вопросы о жизни и смерти. Образы врачей даются обрывочно, при этом часто они ничего не делают для облегчения участи умирающего пациента («Севастопольские рассказы», «Война и мир», «Смерть Ивана Ильича» и другие). Трактовка образа врачей была «однобокой и переносилась на отрицательное отношение писателя к врачам и медицине в принципе» [7, с. 58].

Очень разнообразно медицинская тема представлена в творчестве А. П. Чехова, во многом благодаря его врачебной деятельности. В ряде произведений описаны будни врачей («Палата №6», «Необыкновенный», «Случай из практики»), в других описаны жизнь и смерть пациентов («Тиф», «Три года») [8]. В раннем творчестве

встречаются образы врачей-шарлатанов («Рассказ подсудимого», «Сельские эскулапы», «Хирургия» и других). В зрелом творчестве юмор уступает место серьезному размышлению о жизни. Серость бытия приводит героев («Ионыч», «Цветы запоздалые») к меланхолии, одержимости какими-либо идеями и душевному умиранию. Высокие устремления врача (а также человека любой другой профессии), сталкиваясь с противодействием власти, начальства и равнодушием окружающих, приводит к превращению в обывателя, думающего только о деньгах и выгоде, живущим здесь и сейчас, потому что каждый день похож на предыдущий [9]. С другой стороны, условия в медицинских учреждениях таковы, что все усилия врачей оказываются бесполезными, потому что цель – не излечение больных и поддержание их здоровья [10], а сохранение имеющегося положения.

Юмористические и сатирические традиции в изображении провинциальной медицины А. П. Чехова продолжает М. Зощенко. Он также использует образ врача-шарлатана, к которому приходят глупые и необразованные пациенты, ища не столько лечения, сколько внимания и успокоения («Медик»). С другой стороны, одним из способов лечения является физическая активность («Берегите здоровье»), а не более привычные лекарства. К образу шарлатана добавляется образ врача-палача, который не лечит пациента, а сопровождает/отправляет его в могилу, требуя молчания по поводу нечеловеческих условий существования и быстрой (чтобы не мешал) смерти [3].

Творчество М. А. Булгакова задает новую традицию в реализации медицинской темы в русской литературе. Будучи практикующим доктором, он создает произведения, показывающие в первую очередь точку зрения врача («Собачье сердце», «Белая гвардия», «Записки молодого врача» и др.). При этом врачи у него представлены самые разные: и верные своему долгу, пытающиеся спасти больного, и шарлатаны, думающие только о деньгах и собственном обогащении, и играющие в бога [11]. С другой стороны, он подробно описывает все нюансы состояния пациента, как физические, так и психологические.

Именно заданная М. А. Булгаковым традиция подробного телесного и душевного состояния больного и работы врачей будет продолжена в более поздней литературе XX в.: произведениях Б. Пастернака, А. Солженицына [12], В. Шаламова, Ю. Германа, Л. Петрушевской [1], Л. Улицкой и многих других.

### Заключение

На основании проведенного исследования в заключении можно сделать следующие выводы:

1. В результате изучения представленности медицинской темы в русской литературе можно говорить о зависимости отношения к ней от ведущего литературного направления (течения), авторского мировоззрения и культурно-исторического контекста эпохи. Например, в древнерусской литературе медицинская тема всегда имеет религиозный характер: болезнь рассматривается как наказание за грехи или испытание веры болящего («Повесть временных лет», жития святых).

2. В литературе XVIII в. представлен образ врача-шарлатана из-за культурно-исторического контекста и традиций в литературе европейского классицизма (произведения А. Кантемира, Д. Фонвизина), который «лечит» пациентов-невежд и, ко всеобщему удовлетворению, исцеляет.

3. В литературе XIX в. медицинская тема получает широкое распространение за счет представленности ее с двух точек зрения – врача (произведения А. Герцена, А. Чехова) и пациента. Внимание уделяется и физическим (чахотка, эпилепсия), и душевным заболеваниям, причем последним отводится значительное место в

сюжете и развитии характеров героев. Часть авторов (Н. В. Гоголь, ранний А. П. Чехов) продолжает традицию юмористического или сатирического изображения врачей и пациентов, другие рассматривают изменение мировоззрения врача, проходящего путь от восторженного идеалиста до жадного обывателя (А. П. Чехов). Большая часть авторов, не будучи врачами, уделяют внимание драматическому описанию персонажей, страдающих от того или иного недуга, который также выступает символом болезни всего общества (Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой).

4. В XX в. из-за быстрого развития медицины и ее возросшей роли данная тема получает значимую представленность в литературе. Писатели (М. А. Булгаков, В. Вересаев, Б. Пастернак, Л. Улицкая) фокусируют внимание читателя на медицинском описании болезни, тяжелой работе и душевных переживаниях врачей, чередуя его с точкой зрения пациента, страдающего от того или иного заболевания и меняющего из-за этого свое мировосприятие.

Данное исследование дает ценную информацию о представленности медицинской темы на протяжении всей истории русской литературы, а также ее изменении: смена точки зрения пациент/врач, трансформация образов врача и пациента, их представление в разных видах – сатирическом, юмористическом, пародийном, реалистическом, наличие разных видов мотивов, особенно экзистенциальных.

### Л и т е р а т у р а

1. Соломонова А.А. Медицинская тема в литературе конца XIX– начала XXI вв. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. 2014;(2-3):309-313.
2. Андрианова З.А. Перечитывая «Предание о смерти Олега» («Повесть временных лет»). *Ученые записки УО ВГУ им. П.М. Машерова*. 2003;(2):112-119.
3. Болдырева Е.М. «Шарлатаны от медицины» во «времена великой скорби» в творчестве Лу Синя, А. Чехова, М. Зощенко и В. Шаламова. *Ярославский педагогический вестник*. 2021;119(2):167-181. DOI 10.20323/1813-145X-2021-2-119-167-182.
4. Иванышина Е.А. О чеховских докторх (системные оппозиции и сюжетные функции). *Мир русскоговорящих стран*. 2022;14(4):53-70. DOI 10.20323/2658-7866-2022-4-14-53-70.
5. Захаров В.Н. Пациент Достоевский. *Неизвестный Достоевский*. 2023;10(2):113-129. DOI 10.15393/j10.art.2023.6762.
6. Ионов А.Ю. Медицинские темы в произведениях Ф.М. Достоевского. *Международный журнал экспериментального образования*. 2019;(6):47-51.
7. Волвенкин М.Н. Война и медицина в «Набеге» Л. Н. Толстого: два доктора, две патологии. *Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова*. 2023;20(2):56-64. DOI 10.25587/SVFU.2023.98.36.005.
8. Тарасова А.А. Особенности отражения темы болезни в рассказах и повестях А.П. Чехова. *Лучший исследовательский проект 2021: Сборник статей Международного научно-исследовательского конкурса, Петрозаводск, 28 июня 2021 года*. Петрозаводск: Новая Наука; 2021:217-224.
9. Смирнова Е.М. Медик в гуманитарном пространстве. *Новый исторический вестник*. 2014;41(3):161-175.
10. Нин Ш. Перевернутый мир психически больных пациентов в изображении русских и китайских писателей-врачей (на материале произведений А. П. Чехова и Лу Синя). *Отечественная филология*. 2024;2: 94-102. DOI 10.18384/2949-5008-2024-2-94-102.
11. Савушкина Л.В., Грузнова И.В. Этический портрет врача в произведениях В.В. Вересаева и М.А. Булгакова. *XLVI Огаревские чтения: Материалы научной конференции. В 3-х частях, Саранск, 06–13 декабря 2017 года*. Саранск: Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева; 2018:630-634.
12. Алтунашвили Н.С. Медицинская лексика в повести А.И. Солженицына «Раковый корпус». *Международный научно-исследовательский журнал*. 2024; 149(11):74. DOI 10.60797/IJ.2024.149.32.

## References

1. Solomonova AA. Medical theme in literature in the end of 19<sup>th</sup> – beg. of 21<sup>st</sup> century. *Bulletin of the N. I. Lobachevsky Nizhny Novgorod University*. 2014;2(3):309–313 (in Russian).
2. Andrianova ZA. Rereading "The Legend of Oleg's Death" ("The Tale of Bygone Years"). *Scientific Notes of the P.M. Masharov UO VSU*. 2003;(2):112–119 (in Russian).
3. Boldyreva EM. "Charlatans from medicine" in the "Times of great tribulation" in the works by Lu Xun, A. Chekhov, M. Zoshchenko and V. Shalamov. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. 2021;2(119):167–181 (in Russian). DOI 10.20323/1813-145X-2021-2-119-167-182.
4. Ivanshina EA. On Chekhov's doctors (system oppositions and plot functions). *The World of Russian-speaking countries*. 2022; 4(14):53–70 (in Russian). DOI 10.20323/2658-7866-2022-4-14-53-70.
5. Zakharov VN. Patient Dostoevsky. *Unknown Dostoevsky*. 2023;10(2):113–129 (in Russian). DOI 10.15393/j10.art.2023.6762.
6. Ionov AYU. Medical themes in the works by F.M. Dostoevsky. *International Journal of Experimental Education*. 2019;(6):47–51 (in Russian).
7. Volvenkin MN. War and medicine in Leo Tolstoy's "The raid": two doctors, two pathologies. *Bulletin of the M. K. Ammosov North-Eastern Federal University*. 2023;20(2):56–64 (in Russian). DOI 10.25587/SVFU.2023.98.36.005.
8. Tarasova AA. Features of the reflection of the theme of the disease in the stories and novellas of A.P. Chekhov. In: *BEST RESEARCH PROJECT 2021: Collection of articles of the International Research Competition*, Petrozavodsk, June 28, 2021. Petrozavodsk: International Center for Scientific Partnership "New Science", 2021:217–224 (in Russian).
9. Smirnova EM. A physician and the humanities. *New Historical Bulletin*. 2014; 3(41):161–175 (in Russian).
10. Ning Sh. The inverted world of mentally ill patients depicted by Russian and Chinese doctor-writers (based on the works of A. Chekhov and Lu Xun). *Domestic Philology*. 2024; 2:94–102 (in Russian). DOI 10.18384/2949-5008-2024-2-94-102.
11. Savushkina LV, Gruznova IV. Ethical portrait of a doctor in the works of V. Veresaev and M. Bulgakov. In: *XLVI Ogarev readings: Proceedings of the scientific conference*. In 3 parts, Saransk, December 6–13, 2017 / Responsible for the release P. V. Senin. Volume Part 3. Saransk: National Research N. P. Ogarev Mordovian State University, 2018:630–634 (in Russian).
12. Altunashvili NS. Medical vocabulary in A. Solzhenitsyn's story "Cancer Ward". *International research journal*. 2024;11(149):74 (in Russian). DOI 10.60797/IRJ.2024.149.32.

## Об авторе

ИГОНИНА Светлана Викторовна – ст. преп., Технический институт (филиал) ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова» в г. Нерюнгри, Российская Федерация, ORCID: 0000-0003-3056-3448, AuthorID: 639109, Google Scholar ID: FYRP6DMAAAAJ, e-mail: svigonina@svfu.ru

## About the author

Svetlana V. IGONINA – Senior Lecturer, Technical Institute (branch) of M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, ORCID: 0000-0003-3056-3448, AuthorID: 639109, Google Scholar ID: FYRP6DMAAAAJ, e-mail: svigonina@svfu.ru

## Информация о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

## Information about the conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

Поступила в редакцию 06.08.2025 / Submitted 06.08.2025

Принята к публикации 12.09.2025 / Accepted 12.09.2025



УДК 82-7

<https://doi.org/10.25587/2782-6635-2025-3-14-20>

Оригинальная научная статья

## Диалектика трагического и комического в сборнике рассказов Х. Ж. Аккаева «Красная скала»

Р. А. Керимова

Институт гуманитарных исследований – филиал ФИЦ  
«Кабардино-Балкарский научный центр РАН», г. Нальчик, Российская Федерация  
✉ k.roza07@mail.ru

### Аннотация

Статья посвящена рассмотрению прозы Х. Аккаева, исследованию одной из проблем поэтики его творчества, эксплицируемой в эстетических категориях комического и трагического. Произведения построены на синтезе разнородных жанровых элементов, прежде всего восходящих к фольклорным формам. Проблематика работы состоит в необходимости введения в научный оборот творчества Х. Аккаева, а также в рассмотрении категорий трагического и комического в прозе балкарского писателя. Цель – проанализировать сборник рассказов «Красная скала», выявить устойчивые жанрообразующие признаки (размер, структуру, художественные приемы, язык и тематику произведений). В результате определены стилистические и композиционные особенности текстов и их мотивная структура: небольшой объем, сжатость повествования, концентрация внимания на одном событии, ограниченное количество действующих лиц, художественные приемы: пуант, абсурдный диалог, использование просторечий, вулгаризмов. Влияние драмы усматривается в общей трагической напряженности рассказов «Къызыл Къая» («Красная скала»), «Къанлы танг» («Кровавое утро»), «Дерт» («Месь»). Трагедия строится на **неразрешимом конфликте**, который приводит к гибели героя, а иногда и других действующих лиц. «Смеховое начало» в рассказах реализуется посредством создания целого комплекса комических образов и ситуаций. Доминирующими формами комического выступают юмор, ирония, определяющие интонацию, общий эмоциональный настрой в пространстве текста.

**Ключевые слова:** несказочная проза, жанр, стиль, анекдот, трагедия, предание, фольклор, ирония, балкарская литература, Х. Аккаев

**Финансирование.** Исследование не имело финансовой поддержки

**Для цитирования:** Керимова Р. А. Диалектика трагического и комического в сборнике рассказов Х. Ж. Аккаева «Красная скала». *Вопросы национальных литератур*. 2025, № 3 (19). С. 14–20. DOI: <https://doi.org/10.25587/2782-6635-2025-3-14-20>

*Original article*

## The dialectic of the tragic and the comic in the collection of stories by Hajimurat Akkaev "Red Rock"

*Rauzat A. Kerimova*

Institute of Humanitarian Research – branch of the Federal Scientific Center "Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences", Nalchik, Russian Federation

✉ k.roza07@mail.ru

### Abstract

The article is devoted to the consideration of the prose of Hajimurat Akkaev, the study of one of the problems of the poetics of his work, explicated in the aesthetic categories of the comic and tragic. The works are built on the synthesis of heterogeneous genre elements, primarily dating back to folklore forms. The problematic of the work consists in the need to introduce the Akkaev's works into scientific circulation, as well as in the consideration of the categories of the tragic and comic in the prose of the Balkar writer. The goal is to analyze the collection of stories "Red Rock", to identify stable genre-forming features (size, structure, artistic techniques, language and theme of the works). As a result, the stylistic and compositional features of the texts and their motive structure are determined: small volume, conciseness of the narrative, concentration of attention on one event, a limited number of characters, artistic techniques - pointe, absurd dialogue, use of colloquialisms, vulgarisms. The influence of drama is seen in the overall tragic tension of the stories "Kyzyl Kaya" ("Red Rock"), "Kanly Tang" ("Bloody Morning"), "Dert" ("Revenge"). The tragedy is built on an insoluble conflict that leads to the death of the hero, and sometimes other characters. The "laughter element" in the stories is realized through the creation of a whole complex of comic images and situations. The dominant forms of the comic are humor, irony – determining the intonation, the general emotional mood in the text space.

**Keywords:** non-fairy-tale prose, genre, style, anecdote, tragedy, legend, folklore, irony, Balkarian literature, Hajimurat Akkaev

**Funding.** No funding was received for writing this manuscript.

**For citation:** Kerimova R. A. The dialectic of the tragic and the comic in the collection of stories by Hajimurat Akkaev "Red Rock". *Issues of National Literature*, 2025, No.3(19). Pp. 14–20. DOI: <https://doi.org/10.25587/2782-6635-2025-3-14-20>

### Введение

Жанры карачаево-балкарского фольклора, по сути, схожи с теми, которые встречаются на территории Северного Кавказа. Этот уникальный пласт народного творчества транслирует верования, обычаи и материальную культуру этноса.

Известно, что в фольклоре существует разделение на сказочную и несказочную прозу, в основе которого лежит прагматическая категория отношения рассказчика и аудитории к сюжету произведения. Каждый жанр имеет свои характерные особенности. Согласно Я. Гримму, одно из отличий легенд и преданий от сказок заключается в том, что – «это рассказы, в которые верят» [1, с. 32]. Отталкиваясь от существующих в науке определений, одним из главных жанрообразующих признаков несказочной прозы является установка на реалистичность, достоверность нарратива. В классификации несказочной прозы преобладает тематический способ разграничения: легенды (религиозная тематика), предания (историческая тематика), былички и бывальщины (мифологические представления).



Исследователь карачаево-балкарского фольклора Т. М. Хаджиева разграничивает жанры несказочной прозы на: мифы (мифле); легенды (бурунгулу таурухла), сказания (таурухла); предания (айтыула); былички (табийгъатда болмагъан кючле бла байламлы хапарла); бывальщины (керти хапарла); притчи (насийхат хапарла); новеллы (новеллала); юмористические и сатирические рассказы (нам, масхара хапарла) [2, с. 6]. Эта группа пополняется этнографическими рассказами (семейно-бытовые предания), в которых повествуется о социальном и семейном укладе этноса. На свое место в существующей жанровой классификации претендуют истории о влюбленных парах. Особый интерес для нас представил данный жанр в творчестве балкарского прозаика Хакима Жагафаровича Аккаева (1955).

**Трагическое и комическое как категории мировосприятия писателя. (Жанрово-стилевые особенности художественной системы)**

Х. Аккаев – мастер рассказа. Его произведения – это трагические истории о любви, жизнеописание простого человека, анекдоты, юмористические истории о человеческих пороках. В сборник «Къызыл къая» («Красная скала», 1992) вошли несколько рассказов с элементами преданий: «Къызыл Къая» («Красная скала»), «Къанлы танг» («Кровавое утро»), «Дерт» («Мечь»), «Къабыр тёбеле» («Могильные холмы») и юмористические рассказы: «Ким – кючлю, ким а – бузоу» («Кто – силен, а кто – теленок»), «Суулукъда жилин» («Змея во фляжке»), «Тузлу гюттю» («Соленая лепешка»), «Жёрмежут» («Пожиратель жёрме») и повесть «Къанлы танг» («Кровавое утро»). Трагическое сознание является маркером любовных историй. В них показаны основные классические приметы любви: борьба с внешними силами, как правило, судьбой или общественными нормами.

Самобытность произведений писателя наметилась в различных проявлениях психологического фольклоризма. Автор передает посредством фольклорной поэтики чувства, настроения героев, раскрывает их внутренний мир с точки зрения народной нравственности, используя при этом прием психологического параллелизма. Основу «трагического» в карачаево-балкарской литературе составляет категория «героическое». Отталкиваясь от понимания того, что нравственные и эстетические аспекты в той или иной степени проявляются в каждом подвиге, они имманентно свойственны «героическому». Мотив героизма и самопожертвования проступает в рассказе «Красная скала». Герой сочетает в себе такие противоречивые качества, как бунтарский дух, упрямство, способность бороться с обстоятельствами. Неприступная скала символизирует силу и мощь природы, ее величественность и вечность, в схватке с которой человек обречен на поражение. В основу рассказа положена история о трагической любви Артутая и Айнюр. Но любовь объединяет и разлучает их. Автор использует универсальный мотив – готовность героя погибнуть во имя любимой. Повествуется о чувстве Артутая к Айнюр, который стремится доказать свою любовь, покорив «Красную скалу». Беспечность героев приводит к трагедии, к гибели Артутая. Весь символический пласт рассказа связан с центральным мотивом смерти, предчувствие которой осеняет героиню, но она не может изменить ход событий. Таков, например, мотив сна-предвидения: иссохший колодец как символ конца жизни, безмолвие Артутая, грязная вода и т. д. Изображение основано на двух плоскостях: первый концентр – горизонтальный (человек – животный мир); второй концентр – вертикальный (гора – небо).

Народные традиции, диалектные приметы, фольклорные вкрапления (предания, пословицы, поговорки) также вводятся в ткань повествования. Особое внимание автор уделяет описанию различных обычаев, поверий народа. Природа становится декорацией (описание неба, облаков, деревьев, ветра, воды, гор), на

фоне которой происходят события, дополняет и усиливает впечатления от событий, повествуемых в рассказах.

Фокус внимания акцентируется на том, что, несмотря на отличие в тематике произведений, Х. Аккаев остается верен принципам изображения главных персонажей – правдолюбцев, максималистов, дерзких храбрецов. И хотя в большинстве произведений финал трагичен, тем не менее автор затрагивает помимо разума и чувств читателя, и духовные «рецепторы». К примеру, в повести «Кровавое утро» писатель обращается к проблеме социального неравенства. Происходит столкновение высоких идеалов любви с жестокой реальностью жизни. Любовь абрека Азамата и княгини Гюльсюн заканчивается трагедией – гибелью ее брата Келемета и самих влюбленных. В рассказе «Дерт» («Месть») чувство любви становится движущей силой сюжета: повествуется о неразделенной любви Налдюз к Озаруку, в силу сложившейся, по ее мнению, безвыходной ситуации, героиня кончает жизнь самоубийством. Конфликт перерастает в кровную вражду между семьями Раппаевых и Жашаруковых.

Проза Х. Аккаева разнообразна по своему жанровому и тематическому составу. Отдельный пласт составляют юмористические рассказы – комедии, юморески, анекдоты. Они не содержат сказочного элемента и характеризуются в рамках семейно-бытовых, социальных анекдотов. Произведение «Ким – ключю, ким а – бузоу» («Кто – силен, а кто – теленок») – образец лаконичной и меткой юмористической прозы Х. Аккаева. В рассказе писатель затрагивает такие этические проблемы, как алчность и жадность, анализируя природу человеческих желаний и мотивы их поступков. Конфликт супругов – Таслима и Жумая, основанный на бытовой почве (из-за денег), приводит к неожиданной развязке: муж продает всех домашних животных, а жена в отместку – дом. Сарказм порой сопрягается с комическими ситуациями, юмор заложен в характерах персонажей: речевых портретах, интеллектуальных способностях. Для юмористического вышучивания недостатков характера героев автор использует прием сопоставления их с *теленком, козленком* и т. д.

При создании своих героев Х. Аккаев использует схожий типаж, под разными именами встречающийся в разных юмористических рассказах. Показательны персонажи Гыкка («Суулукъда жиян» («Змея во фляжке»), Бузжигит («Тузлу гюттю» («Соленая лепешка»)), Бекмырза («Жёрмежут» («Жёрмеглотатель»)). Автор создает целую группу персонажей, наделенных схожими чертами и выполняющих похожие функции. Использование в речи вульгаризмов, обценной лексики придает особый колорит внешнему и внутреннему портрету героя. Глупость, неуклюжесть, невежественность персонажей приводят к возникновению комического эффекта, связанного с этими их особенностями.

Также следует отметить один из характерных признаков комизма Х. Аккаева, один из структурных принципов его метода. Здесь подразумевается когнитивный диссонанс как следствие «логического несоответствия». То есть данная ситуация возникает вследствие нестыковки логических рядов, когда двое собеседников во время спора не воспринимают логику друг друга. Например, в основе спора между супругами из новеллы «Кто – силен, а кто – теленок» происходит слуховой контакт, но каждый из них остается полностью «глухим» к аргументации другого. По сути, происходит «имитация спора», так как в сущности никакого спора нет, а происходит лишь параллельное воспроизведение двух логических рядов якобы спорящих об одном конкретном: «Эшитдингми, ы-ы-ы? Киеу жёнгерге<sup>1</sup> чакъыра келгендиле. – Оу кет-кет! Мен а не айтаса деп турама. Къартлыгыгда да киеу жёнгерлеге айланып тур. – Таслима тны эшиую жыры бла башланды. Айхай, бир

<sup>1</sup>Свита жениха в карачаево-балкарском свадебном обряде.

тауушлукъ жыр болса уа! Жумай ашаса, газет окъуса... юйден тышына къачып чыкъгъынчы тохтамаучу жыр» [3, с. 91] («Услышала, ы-ы-ы? Меня пришли пригласить в качестве сопровождающего жениха. Ой уйди-уйди! Я-то думала, о чем ты говоришь. На старости будешь еще в свите жениха. – Вязание Таслимаат началась с привычной песни. Ах, если бы песня была популярной! Эта песня не прекращается во время трапезы Жумая, во время чтения газеты... пока он не убежит из дома»).

К комизму подобного типа можно отнести спор между Бекмырзой и Къоналием о ботинках («Жёргелотатель»). Выпив лишнего, Бекмырза теряет свою обувь в реке и хочет, чтобы Къоналий отдал ему свои, так как его должность выше и ему не подобает ходить босиком: «Мен бух-бухгалтер!.. Сен тр-трахтарист! Сени чурукъларынг. М-мен а чурукъсузлай... ушушарыкъмыды! Ы-ы-ы?» [3, с. 117] («Я бух-бухгалтер!..Ты тр-трахтарист! Твои ботинки. А я-я без обуви... разве так положено! Ы-ы-ы?»). Другие персонажи в данном рассказе также провоцируют немало комических сцен – Чичай, проглотивший целиком жёрме<sup>2</sup> и чудом оставшийся живым. Анекдотичность ситуации достигает пика в финале рассказа, когда персонажи пытаются спасти своего друга незатейливым способом, вызвав у него рвоту.

Повадки животных соединяются у писателя с сатирическим изображением персонажей: «Суу ичген тауукъ кибик, Чачий башын артха этди да: «Не арыкъ бойнунг барды», – деп, сагъыш эте къалып, жёрмени тамагъына къалай ташайтханын эслеялмадым» [3, с. 119] («Словно курица, пьющая воду, Чачий опрокинул голову назад: «Какая у тебя тонкая шея», – только подумал, но упустил момент, как он проглотил целиком жёрме»).

Животные образы присутствуют во многих рассказах Х. Аккаева, к примеру, рассказ «Ким – кючлю, ким а – бузоу» («Кто – силен, а кто – теленок») с зооморфным кодом уже в заглавии. Здесь комизм изображения достигается тем, что о людях повествуется как о животном мире. Автор, дав своим персонажам маски птиц, домашних животных, моделирует их поведение и внешность под животных. Комизм характеров, сюжетов, речи, имен, комизм в описании окружающей обстановки – все эти компоненты в совокупности вызывают смех, но это, скорее, мягкий юмор над заурядными, слабыми и жалкими, людьми.

Х. Аккаев оперирует определенными средствами выражения: фонетическими (графонами), лексическими (тропами – метафорой, гиперболой), морфологическими – пейоративными суффиксами, синтаксическими – каламбур, сравнение, олицетворение, параллелизм. С помощью графонов создаются речевые портреты персонажей: «Ахырысы... хе-хе-хе...» [3, с. 97] («В итоге ...хе-хе-хе»); «Аламыса – къаламыса? Ы-ы-ы? Хы-ы-ы!» («Берешь – не берешь?» Ы-ы-ы? Хы-ы-ы!»). В комическом дискурсе взаимосвязаны внешняя и внутренняя природа человека. По мнению В. Проппа, «комизм кроется, следовательно, не в физической природе человека и не в его духовной природе, а в таком соотношении их, при котором физическая природа вскрывает недостатки природы духовной» [4, с. 35].

В анализируемых произведениях Х. Аккаев использует широкий арсенал комических средств: комические ситуации, ироническое осмеяние персонажей, веселый шарж, основанный на невероятных преувеличениях – элементы, использованные писателем при описании внешнего и внутреннего портрета, приводят к возникновению мощного комического эффекта в его прозе.

Резюмируя вышеизложенное, можно констатировать, что рассказы, относящиеся к комическому дискурсу, ярко представляют особенности карачаево-балкарской социокультуры. Рассмотренные тексты несут в себе не только коммуникативную функцию (смеховую), но и некую смысловую нагрузку,

в которую заложена дидактическая функция. Рассказы целесообразно классифицировать в рамках жанров анекдота, комедии. В них определенная жизненная парадигма предстает как уже отжившая, и юмор высвечивает эту дисгармонию. Юмор, ирония содержатся в общем контексте, названии, интонации произведения, но наибольший эффект достигается с помощью языковых средств создания иронической окраски.

Мировосприятие Х. Аккаева амбивалентно, так как включает в себе и комическое, и трагическое. От незатейливых комедийных рассказов, в центре которых бытовые случаи из жизни, – к трагическому повествованию о судьбе влюбленных пар, в истории которых усматривается влияние классических жанров.

### Заключение

В своих произведениях Х. Аккаев обращается к истории, мифологии, фольклору, сопрягает проблемы современности с жизнью родного аула. В них воспроизводится национальная действительность, реалии жизни балкарского народа. Художественная роль «пуанта» способствует не только построению сюжетных и психологических линий, но и дает представление о системе ценностей, мировоззрении горца.

Характерным признаком выражения трагического сознания в произведениях служит формирование образов трагических персонажей. Трагические сюжеты развиваются в повседневности, характеризующей картину мира балкарцев, и позволяют писателю многопланово выразить трагическое восприятие эпохи. В построении внутреннего и внешнего мира героя проступают следы фольклорного влияния. Х. Аккаев включает в повествование описание различных обычаев, поверий народа. Собственно, что позволяет утверждать, что традиции устного эпического повествования продолжали оказывать значительное влияние на балкарскую прозу 1980 - х гг.

### Л и т е р а т у р а

1. Гримм Я. Немецкая мифология. *Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв.* Тракаты, статьи, эссе. Москва, 1987.
2. Къарачай-малкъар жомакъла, таурухла, айтыула (Карачаево-балкарские сказки, легенды, предания): в 2-х т. / Сост., предисл. Хаджиевой Т. М. Нальчик: Эль-Фа. 2003;2:472 (На балк. яз.).
3. Аккаев Х.Ж. Къызыл къая (Красная скала). Нальчик: Эльбрус; 1992:125 (На балк. яз.).
4. Пропп В.Я. Проблемы комизма и смеха. *Ритуальный смех в фольклоре* (по поводу сказки о Несмеяне). Москва: Лабиринт;1999:288.

### References

1. Grimm J. German mythology. Foreign aesthetics and theory of literature of the 19<sup>th</sup> – 20<sup>th</sup> centuries: Treatises, articles, essays. Moscow; 1987. (in Russian)
2. Karachay-malkar zhomakla, tauruhla, aityula (Karachay-Balkar fairy tales, legends, traditions): in 2 volumes. Comp., foreword by Hadjieva T.M. Nalchik: El-fa; 2003;(2):472. (in Russian).
3. Akkaev H. Kyzyl Kaya (Red Rock). Nalchik: Elbrus, 1992:125 (in Balkar).
4. Propp VYa. Problems of comedy and laughter. Ritual laughter in folklore (regarding the tale of Nesmeyana). Moscow: Labyrinth, 1999: 288. (in Russian)

**Об авторе**

*КЕРИМОВА Раузат Абдуллаховна* – к. филол. н., с. н. с. сектора карачаево-балкарской литературы, Институт гуманитарных исследований – филиал ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр РАН», г. Нальчик, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1964-4511>, Researcher ID: E-3390-2017, AuthorID: 707464, e-mail: k.roza07@mail.ru

**About the author**

*Rauzat A. KERIMOVA* – Cand. Sci. (Philology), Senior Researcher, Karachay-Balkar Literature Sector, Institute of Humanitarian Research – Branch of the Federal Scientific Center “Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences” ORCID: [0000-0003-1964-4511](https://orcid.org/0000-0003-1964-4511), Researcher ID: E-3390-2017, AuthorID: 707464, e-mail: k.roza07@mail.ru

**Информация о конфликте интересов**

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

**Conflict of interests**

The author declare no conflict of interest.

Поступила в редакцию 19.08.25 / Submitted 19.08.25

Принята к публикации 12.09.25 / Accepted 12.09.25

УДК 821.512.153

[https:// doi.org/10.25587/2782-6635-2025-3-21-33](https://doi.org/10.25587/2782-6635-2025-3-21-33)

Оригинальная научная статья

## Художественное отражение темы Великой Отечественной войны в повести Н. Тиникова «Живые не умирают»

**Л. В. Челтыгмашева**

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории

г. Абакан, Российская Федерация

✉ [cheltygmasheval@mail.ru](mailto:cheltygmasheval@mail.ru)

### Аннотация

Известный хакасский прозаик Николай Егорович Тиников (1926–1995) относится к поколению писателей, активно и плодотворно работавших в 1960–1980 годах, о творчестве которых до сих пор нет монографических исследований. Основная цель исследования – выявить особенности художественного отражения темы Великой Отечественной войны в повести Н. Тиникова «Живые не умирают», которая ранее не становилась материалом специального литературоведческого исследования. Новизна работы обусловлена тем, что художественные особенности повести «Живые не умирают» впервые рассматриваются в свете перечтений произведений советской литературы, посвященных теме Великой Отечественной войны, а также актуальности воспитания патриотизма у современного подрастающего поколения. Задачи, направленные на рассмотрение проблемно-тематического и художественно-эстетического своеобразия повести Н. Тиникова, решаются на основе использования историко-культурного, структурно-описательного и биографического методов исследования. Анализ повести позволил выявить художественные особенности осмысления темы Великой Отечественной войны. Прием сопоставления фактов, известных из архивных материалов Н. Тиникова, хранящихся в рукописном фонде Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, с текстом произведения свидетельствует о наличии элементов автобиографизма в повести «Живые не умирают». При помощи мотива воспоминаний героев в повести расширяются пространство и время, охватываются события военных лет на фронте и в тылу. Автор обращается к приемам психологизма для передачи внутреннего эмоционально-чувственного состояния героев, к творческому освоению фольклорно-этнографических традиций и использованию художественных средств с целью углубления идеи произведения, раскрытия образа сильного и волевого героя – бывшего солдата, ныне труженика села. Перспективы исследования связаны с тем, что его результаты могут быть востребованы при анализе других повестей Н. Тиникова в частности и изучении творчества писателя в целом, а также исследовании общих тенденций развития жанра хакасской повести.

**Ключевые слова:** Николай Егорович Тиников, хакасская литература, повесть, тема Великой Отечественной войны, герой, мотив воспоминания, психологизм, несобственно-прямая речь, фольклорный материал, этнографические детали

**Финансирование.** Исследование не имело финансовой поддержки.

**Для цитирования:** Челтыгмашева Л. В. Художественное отражение темы Великой Отечественной войны в повести Н. Тиникова «Живые не умирают». *Вопросы национальных литератур. Issues of national literature*. 2025, № 3 (19). С. 21–33. <https://doi.org/10.25587/2782-6635-2025-3-21-33>



*Original article*

## Artistic reflection of the Great Patriotic War theme in Nikolai Tinikov's novel "The living do not die"

*Larisa V. Cheltygmasheva*

Khakass Research Institute for Language, Literature, and History, Abakan, Russian Federation

✉ cheltygmasheval@mail.ru

### Abstract

The famous Khakass writer Nikolai Yegorovich Tinikov belongs to the generation of writers who actively and fruitfully worked in the 1960s–1980s, whose work still has no monographic research. The main purpose of the study is to identify the features of the artistic reflection of the Great Patriotic War theme in the Tinikov's novel "The living do not die", which has not previously become the material of a special literary study. The novelty of the work is due to the fact that the artistic features of the novel "The living do not die" are considered for the first time in the light of the lists of works of Soviet literature devoted to the theme of the Great Patriotic War, as well as the relevance of fostering a sense of patriotism among the modern younger generation. The tasks, aimed at considering the problematic-thematic and artistic-aesthetic originality of the Tinikov's novel, are solved based on the use of historical, cultural, structural, descriptive, and biographical research methods. The analysis of the novel revealed the artistic features of understanding the theme of the Great Patriotic War. The method of comparing biographical facts known from the Tinikov's archival materials, stored in the Manuscript Fund of the Khakass Research Institute for Language, Literature, and History, with the text of the work testifies to the autobiographical nature of the novel "The living do not die". With the help of the motif of the characters' memories, space and time expand in the story; the events of the war years at the front and in the rear are narrated. The author turns to psychological techniques to convey the inner emotional and sensual state of the characters, to the creative development of folklore and ethnographic traditions and the use of artistic means in order to deepen the idea of the work, to reveal the image of a strong and willed hero – a former soldier, now a rural worker. The prospects of the research are related to the fact that its results may be in demand when analyzing other Tinikov's novels in particular and a comprehensive study of the writer's work in general, as well as the study of general trends in the development of the genre of a Khakass novel.

**Keywords:** Nikolai Tinikov, Khakass literature, novel, Great Patriotic War theme, hero, motif of memory, psychologism, reported speech, folklore material, ethnographic details

**Funding.** No funding was received for writing this manuscript.

**For citation:** Cheltygmasheva L. V. Artistic reflection of the Great Patriotic War theme in Nikolai Tinikov's novel "The living do not die". *Issues of national literature*. 2025, No 3 (19), Pp. 21–33. <https://doi.org/10.25587/2782-6635-2025-2-21-33>

### Введение

Тема Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. всегда была одной из значимых в отечественной литературе. Изучению творческого наследия писателей-фронтовиков, анализу произведений военной тематики посвящены труды критиков и литературоведов В. О. Перцова («Подвиг и герой», 1946), И. К. Кузьмичева («Жанры русской литературы военных лет (1941–1945)», 1962),

Л. А. Плоткина («Литература и война: Великая Отечественная война в русской советской прозе», 1967), А. И. Павловского («Русская советская поэзия в годы Великой Отечественной войны», 1967), П. М. Топера («Ради жизни на земле: О военной теме в литературе», 1971), И. А. Спивака («Советская поэзия периода Великой Отечественной войны в жанровом развитии», 1972), А. Г. Когана («Сквозь время (Советские писатели, погибшие в Великую Отечественную войну)», 1973), А. Г. Бочарова («Человек и война: Идеи социалистического гуманизма в послевоенной прозе о войне», 1973), Н. Л. Лейдермана («Современная художественная проза о Великой Отечественной войне (Историко-литературный процесс и развитие жанров. 1955–1970)», 1973–1974), С. Я. Фрадковой («Русская советская литература периода Великой Отечественной войны: Метод и герой», 1975), Г. И. Ломидзе («Нравственные истоки подвига: Советская литература и Великая Отечественная война», 1975) и др. Предметом литературоведческих исследований становятся художественное своеобразие советской литературы периода Великой Отечественной войны и послевоенного времени, реализация проблемы «человек и война» в литературе, изображение братства народов, патриотизма, любви, героизма на передовой, тяжелых будней солдат и тружеников тыла.

Изучение темы Великой Отечественной войны в литературе нашло свое продолжение в последние два десятилетия, что обусловлено актуальностью исследований особенностей художественного воплощения темы войны и проблематики нравственного становления личности в условиях военного времени. Особое внимание уделяется произведениям многонациональной прозы второй половины XX в., в которых раскрываются вопросы духовного и морального развития человека в контексте военных событий [1–10].

На рубеже XX и XXI вв. произведения о Великой Отечественной войне создает поколение писателей, не видевших войну воочию, но которые, как отмечает исследователь современного марийского рассказа о Великой Отечественной войне Н. В. Гусева, «говорят об уроках войны, выходя на уровень философских размышлений» [11, с. 10]. Произведения современной литературы о войне рассматриваются в самых разных аспектах: выявлении особенностей художественного осмысления темы войны, к примеру в современной якутской малой прозе [12]; следовании литературным традициям отечественной и зарубежной классики в современной прозе о Великой Отечественной войне, например в романе Г. Владимова «Генерал и его армия» [13]; раскрытии проблемы памяти в отечественной прозе второй половины XX–XXI вв. [14]; художественной реконструкции событий войны в таких жанрах современной массовой литературы, как «вольные фантазии в мистическом духе, постмодернистская историческая мелодрама, роман-фэнтези, военно-фантастический экшн-боевик» [15, с. 152]. Особое внимание исследователей вызывает роман И. Бояшова «Танкист или «Белый тигр»», являющийся образцом нового направления военно-исторической прозы в русской литературе начала XXI в., сочетающем фантастический сюжет и историческую точность описаний реалий Великой Отечественной войны [16]. Литературоведы анализируют «современный текст о Великой Отечественной войне и сюжетные изменения, отличающие его от классической советской военной прозы, а также метаморфозы персонажей, серьезно видоизменяющие привычный жанр», трансформации военного сюжета, синтез военной прозы с фэнтези, триллером, детективом и даже аниме [17, с. 23].

В хакасской литературе первые произведения, посвященные Великой Отечественной войне, вышли в 1942 г. в газете «Хызыл аал». Это были «полные патриотического пафоса и жгучей ненависти к германскому фашизму» стихи М. А. Аршанова, Н. Г. Доможакова, И. Г. Котюшева, И. В. Капчигашева,

очерки С. К. Доброва, рассказы И. Г. Котюшева, рассказы и зарисовки из фронтовой жизни И. М. Костякова и И. В. Капчигашева, одноактные пьесы А. М. Топанова [18]. Военная тематика художественно разрабатывалась в произведениях хакасских писателей-фронтовиков М. Е. Кильчичакова, И. М. Костякова, Т. Н. Балтыжакова, И. В. Капчигашева, Г. Ф. Топанова, Я. И. Тисперекова, С. И. Чаркова, Д. И. Чанкова и писателей поколения «дети войны», чье детство и отрочество пришлось на военное время, – Н. Е. Тиникова, Я. А. Тисперекова, А. Я. Черпакова, В. В. Угдыжекова, М. Н. Чебодаева, Ф. Т. Бурнакова, К. Т. Нербышева, М. Р. Баинова, В. Г. Шулбаевой, Г. Г. Казачиновой, А. А. Халларова, А. К. Майтаковой. В современной хакасской литературе теме Великой Отечественной войны посвящены лишь произведения О. П. Шулбаева и А. Е. Султрекова.

Николай Егорович Тиников – известный хакасский поэт и прозаик, детский писатель, член Союза писателей СССР, заслуженный работник культуры Республики Хакасия. В его литературном наследии насчитывается восемь поэтических сборников и пять повестей. В научных исследованиях и критических обзорах особое внимание уделялось лишь повести «Песни Кавриса», которая на хакасском языке была издана в 1977 г., после выхода в свет в 1975 г. на русском языке в переводе К. Ткаченко в издательстве «Детская литература». Это произведение было отмечено К. Ф. Антошиным как «первое детище хакасской прозы для юношества, ставшее известным читателям страны» [19, с. 39]. О лирике Н. Тиникова и его повести «Песни Кавриса» писала В. А. Карамашева в учебном пособии «Творчество хакасских писателей в школе» (1995). Данный материал впоследствии не раз переиздавался в других работах В. А. Карамашевой: «Становление хакасской прозы: жанр, проблематика, характер» (1996), «Творчество хакасских писателей» (2010), «Хакасская литература: становление, развитие, творческие индивидуальности» (2015). Остальные четыре повести Н. Тиникова не получили какой-либо оценки в научной литературе, в «Очерках истории хакасской советской литературы» (1985) А. Г. Кызласова упоминает повести «В лучах солнца» и «Живые не умирают», характеризуя их следующим образом: «Сочный язык повестей, яркие подробности жизни при всей их описательности делают эти произведения читабельными» [18, с. 155]. Целью данной статьи является выявление особенностей художественного отражения темы Великой Отечественной войны в повести Н. Тиникова «Живые не умирают», изданной в свет в 1982 г. Новизна исследования заключается в том, что повесть «Живые не умирают» впервые анализируется в контексте переосмысления произведений советской литературы, посвященных теме Великой Отечественной войны, а также актуальности воспитания патриотических чувств у современного молодого поколения. Решение поставленных задач по изучению проблемно-тематического и художественно-эстетического своеобразия повести Н. Тиникова осуществляется с использованием методов историко-культурного анализа, структурно-описательного и биографического подходов.

### **Особенности художественного отражения темы Великой Отечественной войны в повести Н. Тиникова «Живые не умирают»**

Повести Н. Тиникова «Кавристин кӱглері» («Песни Кавриса», 1977), «Күн сузында» («В лучах солнца», 1982), «Тіріг кизи ӧлбечен» («Живые не умирают», 1982), «Пастагы халас» («Первый хлеб», 1995), «Арчот хам» («Шаман Арчот», 2011) обладают автобиографической составляющей, отражая атмосферу соответствующего исторического периода. В них посредством восприятия персонажей воссоздается картина жизни хакасских деревень довоенного времени, а также военного и послевоенного периодов. Н. Тиников, родившийся в 1926 г., в годы Великой Отечественной войны будучи подростком, трудился в колхозе

во имя победы. На основе личных наблюдений и переживаний он в своих произведениях освещал тему Великой Отечественной войны, изображая быт народа в тылу, создавал художественную картину военных лет.

Как известно из архивных материалов, хранящихся в рукописном фонде Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, Николай Егорович родился в улусе Каркалар Аскизского района Хакасии в семье крестьянина-бедняка<sup>1</sup>. В тридцатых годах лишился родителей, и круглого сироту кормили и воспитывали родственники из рода Тиниковых, Сунчугашевых, Асочаковых, Топоевых, Чебодаевых<sup>2</sup>. В 1944 г., приписав себе один год, вступает в ряды Советской армии, однако по состоянию здоровья, обусловленному травмой ноги, был комиссован. С 1946 г. работал молотобойцем в колхозной кузнице. В это же время, по свидетельству Н. Тиникова, начал заниматься поэтическим творчеством; некоторые его произведения были направлены в редакцию областной газеты «Хызыл аал», где в 1947 г. было опубликовано первое стихотворение, написанное в стилистической манере жанра народной песни – тахпаха<sup>3</sup>. Осознавая необходимость повышения литературных знаний и навыков построения художественного произведения, Николай Егорович в 1947 г. поступил в Абаканское педагогическое училище. После его окончания в 1951 г. он работал заведующим Чахсы-Хоныхской начальной школой Аскизского района, в 1953–1956 годы – заведующим интернатом в селе Шуй Бай-Тайгинского района Тувинской АССР. В 1956 г. Н. Тиников поступил в Абаканский педагогический институт, однако по семейным обстоятельствам в 1960 г. прервал обучение на пятом курсе. В период с 1960 по 1964 гг. занимал должность редактора Хакасского книжного издательства. В 1964–1970 гг. работал учителем в Базинской восьмилетней школе Аскизского района, а с 1970 по 1975 гг. – учителем вечерней школы в селе Таштып Таштыпского района. Параллельно с профессиональной деятельностью завершил заочное обучение в педагогическом институте в 1970 г. С 1975 г. был внештатным корреспондентом областной газеты «Ленин чолы»<sup>4</sup>.

В литературном произведении, посвященном теме Великой Отечественной войны, ярко проявляются героизм и возвышенный патриотизм, характерные для военной литературы. В рамках анализа можно отметить, что война выступает как социально-историческое явление, являющееся испытанием на прочность моральных и идейных качеств человека [20]. В повести «Живые не умирают» сюжет сосредоточен вокруг образа центральной фигуры повествования Опана Миргеновича Сарыгбашева. Герой прошёл четырёхлетний боевой путь на фронтах Великой Отечественной войны, начиная с 1942 г., вернулся на родину в звании старшего сержанта. Н. Тиников стремился изобразить образ воина, командира отделения и разведчика, морально устойчивого коммуниста и стойкого человека-борца, что подчеркивает его активную боевую и идейную позицию.

Структура повествования построена посредством чередования временных пластов: настоящего и прошлого. Композиционно важным элементом является мотив воспоминания, что обуславливает неразрывную связь темы Великой Отечественной войны с воспоминаниями героев — бывших фронтовиков: Опана Сарыгбашева, его командира Ипполита Ивановича Павлова, а также персонажей Опандая и Ораписа. Такой подход подчеркивает личностный аспект восприятия войны и её влияние на судьбы героев.

<sup>1</sup> Архив Н. Е. Тиникова. Рукописный фонд ХакНИИЯЛИ. Л-5. Оп. 2. Д. 2223. Л. 8.

<sup>2</sup> Там же. Л. 44.

<sup>3</sup> Там же. Л. 9.

<sup>4</sup> Архив Н.Е. Тиникова. Рукописный фонд ХакНИИЯЛИ. Л-5. Оп. 2. Д. 2223. Л. 30б.

Встретившись вновь после войны, Опан и секретарь райкома Павлов вспоминают годы боевых испытаний, которые стали временем формирования их прочной дружбы, проверенной временем. Художественная функция воспоминания в данном контексте служит раскрытию образа главного героя. Через восприятие Павлова герой повести представлен как смелый и отважный боец Красной армии: «Когда я командовал батальоном в гвардейской дивизии Красноярского края, я неоднократно поручал тебе сложные задания, с которыми ты всегда успешно справлялся. В батальоне ты был одним из самых достойных и надежных солдат. За «языком» отправим – «языка» приведешь. Сколько раз мы наступали в атаке – пробивали броню немецких фашистов. Помню, как в одном бою тебя ранило в голову осколком мины...

Да, однажды мы чуть не попали в руки немцев. Окружив, немецкий враг оттеснил наш батальон к возвышенной местности. В соответствии с приказами командиров батальонов наши роты получили указание не расходовать патроны и гранаты без необходимости – пока враг не приблизится слишком близко, не стрелять, чтобы избежать потерь» [21, с. 132] (*здесь и далее даны наши подстрочные переводы – Л. Ч.*). Тогда Опан, как и все солдаты, целый день пролежал в холодной родниковой воде. Лишь с наступлением темноты солдаты с большим трудом смогли подняться на ноги: ноги и руки были онемевшими, всё тело – словно деревянным. Руки от холода заоченели и не могли держать оружие. В темноте Опан не видел своих боевых товарищей и командиров. Пока он растирал окоченевшие от холода конечности, раздался голос комбата: «Парни, за мной! Идём в атаку!». Враг постоянно освещал местность ракетами для подавления наших позиций. Поэтому наши солдаты то ползли по-пластунски, то бежали, пригнувшись. В этот момент Опан подумал: «Если уж умереть – то умереть, лишь бы не попасть в руки врага». Он решил бороться до последнего биения сердца.

В ходе боевых действий, приблизившись вплотную к вражеской цепи, солдаты по приказу ротных командиров предприняли рукопашную атаку. Командир батальона Ипполит Иванович активно участвовал в бою, поднимая боевой дух личного состава криками «Ай, мужики!». Солдаты уничтожали немецких фашистов, где пулеметным огнём, где рукопашным боем. В момент, когда батальону удалось прорвать вражескую оборону и к нему подошла помощь, у Опана в глазах потемнело – он потерял сознание. «– Но ты после госпиталя вернулся в наш батальон, – вспоминает секретарь, – молодец! Ранение – это не игра. Никогда не забуду, как ты меня, еле живого, вытащил из поля боя... Вижу, после меня ты тоже был тяжело ранен, брат. Война – это война. Оттуда не всегда возвращаются целыми» [21, с. 133]. Данное описание подчеркивает героизм и стойкость главного героя в условиях экстремальных боевых ситуаций, а также служит средством раскрытия его внутренней силы и непоколебимой решимости перед лицом смерти.

Воспоминания структурируют повествование событий и придают ему реалистическую окраску. Опан вспоминает случай в окопе: он оказался под немецким танком, гусеницы которого находились всего в 2–3 сантиметрах над ним. Герои, как главные, так и эпизодические, склонны к размышлениям и обязательно обращаются к прошлому. Односельчане Опана – Орапис и Опандай – делятся воспоминаниями о пережитом. С Опандаем Опан служил в одной дивизии, однако на фронте они ни разу не встретились. Из рассказов его друга-миномётчика Опандая складывается картина последних тяжелых боев советских войск на территории Германии: фашисты упорно держались за каждый дом и каждый клочок земли. Много товарищей Опандая осталось там; сам он чудом остался жив. Во время взрыва снаряда его засыпало землей; по торчащему из земли стволу миномета и ногам его извлекли из-под завала. Он был доставлен в санитарный



батальон и затем вновь отправлен на передовую. Орапис дошел до Чехословакии, затем был переброшен на восточный фронт – в район Китая – для участия в войне с японцами. Так, в повести посредством мотива воспоминаний раскрывается образ солдата-хакаса, характеризующегося смелостью, бесстрашием и готовностью идти до конца во имя победы. Только находясь вдали от родной земли, герои Н. Тиникова осознают её особую ценность: для человека родная земля становится источником внутренней силы и мужества, что подтверждается словами Опана о том, что «самое ценное, что есть у человека – это его родимая земля; как вспомнишь об этом, так сразу появляются силы и смелость. И жизни своей не жалко за нее отдать». Для героев защита Родины представляет собой высшую и наиболее ответственную задачу, являющуюся важнейшей на Земле.

По возвращении домой бывший командир Опана Ипполит Иванович, признавая его личностные качества, отправляет на важную работу по восстановлению разрушенного колхоза и сельского хозяйства. В данном контексте Опан, назначенный председателем колхоза, выступает как представитель трудового фронта, борющийся за восстановление урожая зерна. Для более глубокого раскрытия характера Опана в повести используется монолог, отражающий его жизненную позицию и созвучный авторской идее: «Разрушенное войной хозяйство поднимать очень тяжело. Но какой бы высокой не была гора, не надо отступать. Будешь стараться – сможешь ее преодолеть. Какой бы тяжелой ни была работа, не надо ее бояться» [21, с. 151]. Таким образом, в произведении подчеркивается стойкость и трудолюбие героя как важнейшие моральные ценности в контексте послевоенного восстановления страны.

В повести автор использует несобственно-прямую речь, которая формально принадлежит повествователю, однако при этом сохраняет стилистические и психологические особенности речи героя [22]. Так, например, гамма оттенков эмоционального состояния Опана, потерявшего зрение вследствие ранения в голову, полученного на войне, передана посредством психологического повествования от третьего лица с переходом во внутренний монолог героя, не оформленный кавычками: «На улице сильный неистовый ветер сотрясал дом. Свирепо свистел в дымоход, сухие листья в окно шумно кидая. То же самое творилось и в душе Опана... Он был подавлен тяжелыми мыслями: есть ли смысл жить, если стал таким, в жизни больше не сможешь сделать что-то хорошее? Человек, не видящий солнца, – как неживой человек! В тот же миг перед ним показалась Смерть, держащая в руках аркан с петлёй, слышалось, будто она говорит: «Отец и мать тоже ко мне ушли...». Тогда Опан, очнувшись, отбросив недобрые мысли, сказал про себя: жить, во что бы то ни стало жить! Говорят, беда одна не приходит. Кто не познал горечь беды, тот не поймёт вкус счастья! В каком бы нескончаемом горе не был Опан, он никогда сам не оборвёт свою жизнь! Нет, не оборвёт! За что он воевал с врагом на войне? Чтобы здесь на себя наложить руки? Даже творящий зло бессовестный враг не будет себя уничтожать. А Опан – коммунист. Разве можно ему так без борьбы умирать?» [21, с. 219].

Мысли героя переданы непосредственно, эмоциональное состояние скрыто в подтексте и становится понятным читателю благодаря использованию несобственно-прямой внутренней речи. Как отмечает А. Б. Есин: «Несобственно-прямая внутренняя речь, у которой как бы двойное авторство – повествователя и героя, – наоборот, активно способствует возникновению авторского и читательского сопереживания герою. Мысли и переживания повествователя, героя и читателя как бы сливаются; таким образом внутренний мир персонажа становится близким и понятным» [22, с. 320]. Обращение автора к воспоминаниям обусловлено его стремлением не только представить боевой путь главного



героя повести, но и раскрыть жизнь населения в годы Великой Отечественной войны в глубоком тылу — хакасских селах — *аалах*. Н. Тиников в своей повести демонстрирует не только героизм фронтовиков, но и через личные воспоминания отображает подвиг тружеников колхоза, женщин и подростков, отправлявших на фронт продукты, одежду, коней. В своей автобиографии Н. Тиников писал: «В такое суровое время люди крестьянского хозяйства, собирая без потери зерна, не проливая ни одной капли молока, не отдавая ни одного яйца «сороке-воровке» и выращивая бычков на мясо — все отправляли для фронта по призыву лозунга, не оставляя себе ничего для будущей победы над коварным гитлеровским фашизмом. Люди были обессилены, зато не теряли моральной стойкости, зная о том, что хребет врага сломен, особенно под Сталинградом. Люди стали трудиться еще дружнее. И я не оставался в стороне. Вел себя, как они, переживал вместе с ними и делился горем и радостью»<sup>5</sup>. Как и все дети и подростки, заменившие ушедших на фронт отцов и братьев, Николай выполнял всю мужскую работу. Об этом он вспоминает: «... пахал на быках, жал серпом, скирдовал, молотил хлеб или косил вручную сено для колхозного скота, то находился на лесосплаве в холодной ледяной воде. И при наступлении зимы мне приходилось делать ремонт телег, борон, саней, всяких важных для колхоза инвентарей, быть молотобойцем в кузнице, несмотря на то, что я был не совсем здоров: была сломана нога на лесосплаве, где я чуть не утонул на заторе леса»<sup>6</sup>. В повести «Живые не умирают» эпизод, в котором изображаются работающие на вспашке поля подростки Сосин и МIRON, служит проявлением личного опыта автора в художественном произведении. Он представляет собой форму включения элементов автобиографизма, при которой события передаются посредством восприятия и субъективного взгляда автора, что способствует созданию более личностного и эмоционально насыщенного повествования.

Мотив воспоминаний расширяет пространственно-временные рамки небольшого селения. Читатель получает возможность восстановить события прошлого двадцатилетней давности. Воспоминания раздвигают границы временного контекста, открывая перед читателем жизнь героев, охватывающую не только годы Великой Отечественной войны, но и предвоенный период. В частности, образ отца Опана иллюстрирует социальные противоречия тридцатых годов прошлого столетия, когда по ложному доносу бригадира колхоза Топаса отец Опана — уважаемый в селе учитель и агитатор — был объявлен «врагом» советской власти и сослан на каторгу.

В центре художественного повествования Н. Тиникова сосредоточены проблемы послевоенного восстановления сельского хозяйства и колхоза: несмотря на острый дефицит рабочих коней и наличие всего одного трактора на весь колхоз, вчерашний фронтовик, ныне председатель колхоза Опан успешно организует сбор первого в послевоенное время урожая зерна. Через описание повседневного труда воспроизводится образ рядовых тружеников колхоза: табунщика Кипера, который в 1941 г. ушел на фронт вместе с сыном и вернулся с изувеченной ногой, а его сын Ондрай погиб, председателя Манисы Апсаловны, муж которой погиб под Ленинградом и т. д. Личные трагедии и горе каждого человека выступают как выражение общего страдания народа, подчеркивая единство индивидуальных судеб и коллективных переживаний в контексте послевоенного восстановления.

В современном анализе прозы Тиникова очевидно, что для него имело значение продемонстрировать национальную специфику образов, особенности их

<sup>5</sup> Архив Н. Е. Тиникова. Рукописный фонд ХакНИИЯЛИ. Л-5. Оп. 2. Д. 2223. Л. 46.

<sup>6</sup> Там же. Л. 8.

когнитивных и эмоциональных структур, а также в широком смысле представить читателю культурно-ментальный мир. Использование хакасских паремий и идиоматических выражений служит для психологически точной передачи чувств героев и закрепления фундаментальных констант их ментальности. Содержат в себе многовековую народную мудрость высказывания персонажей повести, в основном представителей старшего поколения – матери Опана, тети Тапта, дяди Кипера: *Хоных сайбалган чуртта хус таа уйа чази чогул* [21, с. 105] – ‘В разрушенном доме даже птица гнездо не вьёт’; *Ах сагыстыг чуртааннаң артых нима чогул. Хара сагыста прай чабал нима чазынадыр... Анда атаанас, тайма, посха харбаныс, пасхазы даа* [21, с. 164] – ‘Нет ничего лучше, чем жить со светлыми мыслями. В черных мыслях всё злое прячется... Там зависть, ложь, стяжательство и другое’; *Эн тура айналыг даа пол парча тидірлер* [21, с. 144] – ‘Говорят, что заброшенный дом чертями наполняется’; *Чадыңа кізі чалбах тасха иртөк пастыр саладыр, одыраңа кізі оймахха иртөк чадыбызадыр* [21, с. 198] – ‘Любящий полежать человек рано под широким камнем окажется, любящий посидеть человек рано в яму ляжет’; *Кізіні зе чохсы сагызы, чозах-хылыгы чазидыр. Сырай-сынга төреенінең иптiг деє полбаза, иптiг көрiнедiр* [21, с. 125] – ‘Человека же его хорошие мысли, характер украшают. Такой человек красивым видится, даже если он лицом не вышел’; *...парчаң чол мееттiг, пастыг ир пөгiннiг полчаң* [21, с. 126] – ‘... у ведущей дороги есть конец, у имеющего голову мужчины есть цель’; *Чыынчах нимес көөлбек кізі пір аях ас чох паза ыстаны чох халадыр* [21, с. 152] – ‘Небрежливый, слишком щедрый человек без чашки еды и штанов остаётся’; *Ир кізінің істiнде изерліг ат чызаан* [21, с. 205] – ‘У мужчины внутри оседланный конь сгнил’; *Піліс – ол сагыстың ханады. Піліс чох полза, сагыс ханады чох хус осхас поладыр. Ханады чох хус, тізең, сиден пөзинче деє учух пола чогул* [21, с. 233] – ‘Знания – это крылья ума. Если нет знаний, ум словно бескрылая птица бывает. А бескрылая птица не может даже выше забора летать’; *Чохсы аргысты хомай харындастаң артых полча тидірлер* [21, с. 234] – ‘Говорят, хороший друг лучше плохого брата бывает’.

Много пословиц и поговорок в своей речи использует главный герой Опан: *Ханаттыг хустар даа, төреен чирiн тастабин, анда ла уйа чазидыр* [21, с. 111] – ‘Даже крылатые птицы, родную землю не покидая, только там гнезда вьют’; *Ноо даа нимені идерге кізінің тіспені кирек поладыр. Полбассым тізең, ит полбассыңоң* [21, с. 115] – ‘Любая работа от человека требует усердия. Скажешь «не смогу» – действительно не сделаешь’; *Кізінің пастагы пайы – хазыгы, ікінкізі – чуртаан аргызы, үзінкізі – пілізі, сагызы. Чон ұлұзін кізі тутча, кізі ұлұзін чон тутча* [21, с. 157] – ‘У человека первое богатство – его здоровье, второе – спутник его жизни, третье – его знания, ум. Судьбу народа человек держит, судьбу человека народ держит’; *Кіленген кізі өзкпеең, сураан кізі астыхпаан тидірлер* [21, с. 160] – ‘Говорят, просивший человек не голодал, спросивший человек не заблудился’; *Көп чон аралы чөрген кізінің сагыс-көгізі аллыг полчаң* [21, с. 164] – ‘У ходившего среди многих людей человека кругозор широкий бывает’; *Тохтабин хаалапчатхан кізі тагны даа азыра алтап парыбысчаң* [21, с. 203] – ‘Без остановки идущий человек даже гору перешагивает’; *Талайның тирее поладыр, үгредігнің хыйга-пілізі поладыр. Харындастар андаг ынаг полза, пик чуртас поладыр* [21, с. 216] – ‘У моря глубина имеется, у учения знания имеются. Если братья дружными будут, то и жизнь будет крепкой’ и др.

Излюбленная поговорка Опана *Тіріг кізі өлбечең* – ‘Живые не умирают’, вынесенная в заглавие повести, служит художественным средством для изображения образа главного героя Опана, характеризует его как сильную и волевою личность, достойно прошедшую войну и полностью отдающую себя

мирному труду. В словах Опана слышится голос самого Н. Тиникова, который в своей автобиографии, говоря о не менее тяжелой, чем на фронте, жизни в тылу, писал: «Люди за людьми уходили на фронт и не возвращались. А те, кто оставался, сохли от тоски, отчего все женщины, девушки и старики под тяжестью горя, казалось, становились безразличными ко всему происходящему и на фронте, и в тылу. Они молча трудились, как будто они не должны знать, когда наступает утро или вечер. Только не забывали требования грозного лозунга, что висело везде и всюду: «Всё для фронта!» ... От постоянной тяжести жизни человек начинает коснеть. Для него, кажется, жизнь всегда была такая и будет такой без изменения. Хоть он в плохой одежде, ему не страшны морозы, хоть он голоден, ему не страшна голодная смерть. Ему всё равно – жить или умереть преждевременно. И всё же так в каком бы состоянии ты не находился – не забывал требования жизни: надо жить, и по мере оставшейся силы трудись и учись!»<sup>7</sup>. В образе главного героя Опана, который даже в казавшихся безвыходными ситуациях находит внутренние ресурсы для продолжения жизни, отражается авторское миропонимание, отношение к жизни.

Таким образом, в повести «Живые не умирают» национальный колорит подчеркивается посредством использования пословиц, поговорок и афоризмов, заимствованных из народной мудрости, искусно интегрированных в структуру повествования. Также значительную роль играют многочисленные и разнообразные песни-тахпахи, которые встречаются в тексте и дополняют его этнографическую аутентичность.

Творческая манера Н. Тиникова, выделяющая его из числа хакасских писателей советского времени, связана с отображением в художественном произведении специфических аспектов национальной культуры, быта, нравов и обычаев хакасов, что подчеркивает не только эстетическую, но и этнокультурную ценность текста. В повести «Живые не умирают» представлены такие традиционные обычаи, как ритуалы похорон и свадеб, а также обычай не встречать гостя за порогом дома, излишне нежить детей для предотвращения их лени и капризности. В произведении также приведены эпизоды национальной борьбы – *күрес*, окропления водкой по ходу солнца духам окружающей природы во время торжества по случаю возвращения фронтовика Ораписа, лечения народным способом незаживающих ран, например, змеиным жиром или маслом, полученным из яичного желтка. Все эти элементы способствуют формированию в произведении особого национального колорита и фольклорно-этнографического контекста, что является важным для полноты отображения особенностей хакасской этнической действительности.

### Заключение

Проведенное исследование выявило особенности художественного отражения темы Великой Отечественной войны в повести Н. Тиникова «Живые не умирают». Тема Великой Отечественной войны в произведении раскрывается через мотив воспоминаний фронтовиков и тружеников тыла, расширяющих временное и пространственное восприятие событий – от фронтовых боёв до тыловых будней. Элементы автобиографизма, выявленные при сопоставлении автобиографии Н. Тиникова и повести «Живые не умирают», усиливают реалистичность повествования. Автор использует приёмы психологизма для передачи внутреннего эмоционального состояния персонажей, обращается к фольклорно-этнографическим традициям и художественным средствам для углубления идейного содержания повести и раскрытия образа героя-солдата, героя-труженика, передачи духа изображаемого исторического времени и создания этнокультурной атмосферы произведения.

<sup>7</sup> Архив Н. Е. Тиникова. Рукописный фонд ХакНИИЯЛИ. Л-5. Оп. 2. Д. 2223. Л. 45.

Перспективы дальнейших исследований связаны с возможностью применения полученных результатов при анализе других произведений Н. Тиникова, а также в изучении его творчества в целом и тенденций развития жанра хакасской повести.

### Л и т е р а т у р а

1. Батчаева К.Х. О художественном решении темы Великой Отечественной войны в карачаево-балкарской прозе 60–80-х годов XX века. *Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки*. 2014;5:105-108.
2. Чотчаева М.Х. Особенности освоения темы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. в литературах Карачаево-Черкесии. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2017;5(71); Ч.2:39-43.
3. Ельцова Е.В. Особенности художественного воплощения темы детства военной поры в творчестве прозаиков Е. Загребина и И. Торопова. *Ежегодник финно-угорских исследований*. 2022;2:262-268. DOI: 10.35634/2224-9443-2022-16-2-262-268.
4. Баков Х.И. «Тема войны в творчестве адыгских поэтов и писателей-фронтовиков (особенности стиля и поэтики)». *Вестник Адыгейского государственного университета*. 2023;2(317):15-22. DOI: 10.53598/2410-3489-2023-2-317-15-22.
5. Ханинова Р.М., Бадмагоряева И.С. Калмыцкий рассказ в антологии «Современная литература народов России. Проза». *Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН*. 2020;1:170-182. DOI: 10.22162/2587-6503-2020-1-13-170-182.
6. Григорьева Л.П., Нестерова И.С. Великая Отечественная война в рассказах И.М. Сосина: образное воплощение и художественные особенности. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2022;15(123):3767-3771.
7. Хуббитдинова Н.А. Пишущий на русском языке башкирский писатель Анатолий Генатулин: воин и созидатель. *Вопросы национальных литератур*. 2025;(2):45-52. URL: <https://doi.org/10.25587/2782-6635-2025-2-45-52> (дата обращения: 09.07.2025).
8. Полева Е.А., Липовка В.О. Диалог поколений и тема памяти в рассказах Юрия Яковлева о Великой Отечественной войне. *Вестник Томского государственного педагогического университета*. 2023;230(6):132-142. URL: <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-6-132-142> (дата обращения: 02.07.2025).
9. Донгак Р.М. Тема Великой Отечественной войны в романе Монгуша Кенин-Лопсана «Стремнина великой реки». *Вопросы национальных литератур*. 2025;(1):16-21. URL: <https://doi.org/10.25587/2782-6635-2025-1-16-21> (дата обращения: 08.07.2025).
10. Желобцова С.Ф., Барашкова С.Н. Семантика женских образов в прозе о Великой Отечественной войне. *Вопросы национальных литератур*. 2025;(2):5-14. URL: <https://doi.org/10.25587/2782-6635-2025-2-5-14> (дата обращения: 08.07.2025).
11. Гусева Н.В. Современный марийский рассказ о Великой Отечественной войне: проблематика и поэтика. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2017;76(10);Ч.3:10-12.
12. Самсонова Т.П. Особенности современного освещения темы войны в якутской малой прозе. *Северо-Восточный гуманитарный вестник*. 2015;1(10):22-25.
13. Демидович Т.В. Литературные традиции в современной прозе о Великой Отечественной войне. *Вестник Башкирского университета*. 2019. 24(2):450-454.
14. Ковтун Н. В. Тема памяти в современной прозе о Великой Отечественной войне. *Культура и текст*. 2020;43(4):6-24. DOI 10.37386/2305-4077-2020-4-6-24.
15. Маркова Т.Н. Художественные реконструкции Великой Отечественной войны в современной массовой литературе. *Научный диалог*. 2019;(12):152-160. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-12-152-160.
16. Лобин А.М. Мифология Великой Отечественной войны в романе И. Бояшова «Танкист или “Белый тигр”». *Филологический класс*. 2023;28(1):120-132. DOI: 10.51762/1FK-2023-28-01-11.

17. Иванова И.Н. Тема Великой Отечественной войны в современной отечественной прозе: мистика и фантастика. *Вестник Адыгейского государственного университета*. 2024;337(2):23-30. DOI: 10.53598/2410-3489-2024-2-337-23-30.
18. Очерки истории хакасской советской литературы. Абакан: Хак. отд-ние Краснояр. кн. изд-ва; 1985:288.
19. Антошин К.Ф. *У истоков жизни*. Красноярск: Краснояр. кн. изд-во; 1982:96.
20. Федь Н.М. Сокровенный Шолохов: «Они сражались за Родину» и «Судьба человека». *История национальных литератур. Перечитывая и переосмысливая*. Москва: ИМЛИ РАН; 2005;Вып.IV:133-150.
21. Тиников Н.Е. *Тіріг кизи ѳлбечең*. Абакан: Хак. отд-ние Краснояр. кн. изд-ва; 1982: 240. (на хак. яз.).
22. Есин А.Б. Психологизм. *Введение в литературоведение*. Москва: Высшая школа; 2000:313-328.

### References

1. Batchaeva K.H. On the artistic solution of the Great Patriotic War theme in the Karachay-Balkarian prose of the 1960s–80s. *Bulletin of higher educational institutions. The North Caucasus Region. Social sciences*. 2014;5: 105–108 (in Russian).
2. Chotchaeva M.H. Peculiarities of mastering the Great Patriotic War theme of 1941-1945 in the literatures of Karachay-Cherkessia. *Philological sciences. Issues of theory and practice*. 2017;5(71);Part 2:39–43 (in Russian).
3. Yeltsova Ye.V. Features of the artistic embodiment of the theme of childhood during the war period in the works of the novelists Ye. Zagrebin and I. Toropov. *Yearbook of Finno-Ugric Studies*. 2022;2:262–268 (in Russian). DOI: 10.35634/2224-9443-2022-16-2-262-268.
4. Bakov Kh.I. “The war theme in the works of Adygea poets and front-line writers (features of style and poetics)”. *Bulletin of the Adygea State University*. 2023;2(317):15–22 (in Russian). DOI: 10.53598/2410-3489-2023-2-317-15-22.
5. Khaninova R.M., Badmagoryaeva I.S. The Kalmyk story in anthology “Modern literature of the peoples in Russia. Prose”. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 2020;1:170–182 (in Russian). DOI: 10.22162/2587-6503-2020-1-13-170-182.
6. Grigorieva L.P., Nesterova I.S. The Great Patriotic War in I.M. Sosin’s novels: figurative embodiment and artistic features. *Philological sciences. Issues of theory and practice*. 2022;15(123):3767–3771 (in Russian).
7. Khubbitdinova N.A. Bashkir writer Anatoly Genatulin writing in Russian: warrior and creator. *Issues of national literatures*. 2025;(2):45–52. Available at: <https://doi.org/10.25587/2782-6635-2025-2-45-52> (accessed: 09 July 2025) (in Russian).
8. Poleva E.A., Lipovka V.O. The dialogue of generations and the theme of memory in Yuri Yakovlev’s stories about the Great Patriotic War. *Bulletin of Tomsk State Pedagogical University*. 2023;6(230):132–142. Available at: <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-6-132-142> (accessed: 02 July 2025) (in Russian).
9. Dongak R.M. The Great Patriotic War theme in Mongush Kenin-Lapsan’s novel “Rush of the great river”. *Issues of national literatures*. 2025;(1):16–21. Available at: <https://doi.org/10.25587/2782-6635-2025-1-16-21> (accessed: 08 July 2025) (in Russian).
10. Zhelobtsova S.F., Barashkova S.N. Semantics of female images in prose about the Great Patriotic War. *Issues of national literatures*. 2025;(2):5–14. Available at: <https://doi.org/10.25587/2782-6635-2025-2-5-14> (accessed: 08 July 2025) (in Russian).
11. Guseva N.V. The modern Mari story of the Great Patriotic War: problematics and poetics. *Philological sciences. Issues of theory and practice*. 2017;10(76);Part 3:10–12 (in Russian).
12. Samsonova T.P. Features of modern coverage of the theme of war in Yakut short prose. *Northeastern Humanitarian Bulletin*. 2015;1(10):22–25 (in Russian).



13. Demidovich T.V. Literary traditions in modern prose about the Great Patriotic War. *Bulletin of the Bashkir University*. 2019; 2(24):450–454 (in Russian).
14. Kovtun N.V. The theme of memory in modern prose about the Great Patriotic War. *Culture and text*. 2020;4(43):6–24 (in Russian). DOI 10.37386/2305-4077-2020-4-6-24.
15. Markova T.N. Artistic reconstructions of the Great Patriotic War in modern mass literature. *Scientific Dialogue*. 2019;12:152–160 (in Russian). DOI: 10.24224/2227-1295-2019-12-152-160.
16. Lobin A.M. Mythology of the Great Patriotic War in I. Boyashov's novel "The tankman or the "White Tiger". *Philological class*. 2023; 1(28)120–132 (in Russian). DOI: 10.51762/1FK-2023-28-01-11.
17. Ivanova I.N. The Great Patriotic War theme in modern Russian prose: mysticism and fiction. *Bulletin of the Adygea State University*. 2024;2(337):23–30 (in Russian). DOI: 10.53598/2410-3489- 2024-2-337-23-30.
18. Essays of the history of Khakass Soviet literature. Abakan: the Khakass Branch of Krasnoyarsk Book Publishing House; 1985:288 (in Russian).
19. Antoshin K.F. *At the origins of life*. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk Book House. 1982:96 (in Russian).
20. Fed N.M. Arcane Sholokhov: "They fought for the Motherland" and "Destiny of the man". *The history of national literatures. Rereading and rethinking*. Moscow: Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences; 2005;4: 33–150 (in Russian).
21. Tinikov N.E. *Tirig kizi olbechen*. Abakan: the Khakass Branch of Krasnoyarsk Book Publishing House; 1982:240 (in Khakass).
22. Esin A.B. *Psychology. Introduction to literature*. Moscow: High School; 2000:313–328 (in Russian).

#### Об авторе

ЧЕЛТЫГМАСШЕВА Лариса Викторовна – к. филол. н., в. н. с. сектора литературы, ГБНИУ РХ «Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории», ORCID: 0000-0002-9476-0611, e-mail: cheltygmasheval@mail.ru

#### About the author

Larisa V. CHELTYGMA SHEVA – Cand. Sci. (Philology), leading research fellow, Department of Literature, Khakass Research Institute for Language, Literature, and History, ORCID: 0000-0002-9476-0611, e-mail: cheltygmasheval@mail.ru

#### Информация о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

#### Conflict of interests

The author declares no conflict of interest.

Поступила в редакцию 30.07.2025 / 30.07.2025 Submitted  
Принята к публикации 25.08.2025 / 25.08.2025 Accepted



## – ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ ФОЛЬКЛОРА. ПОЭТИКА –

УДК: 821.172-1Балтрушайтис.09

<https://doi.org/10.25587/2782-6635-2025-3-34-43>

*Оригинальная научная статья*

### Балтийский субстрат в творчестве Ю. К. Балтрушайтиса

**Н. И. Симак**

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского,  
г. Калуга, Российская Федерация

✉ [p0plaw0k@yandex.ru](mailto:p0plaw0k@yandex.ru)

#### Аннотация

В статье описывается работа по обнаружению типологических сходжений на тематическом, образном, мотивном и идейном уровнях текста между традиционными для народного прибалтийского стихосложения дайнами и стихотворениями Ю. К. Балтрушайтиса из сборника «Земные ступени» с одинаковым стихотворным размером. Целью статьи является обнаружение семантического ореола между рассматриваемыми группами произведений, детерминированного биографией автора. В качестве метода в рамках исследования был избран структурализм, основанный на утверждениях о том, что литературное произведение представляет собой несколько уровней строения, на каждом уровне действуют свои автономные законы, а некоторые более общие законы действуют на всех уровнях и связывают их воедино. В результате исследования семантический ореол на всех вышеперечисленных уровнях был обнаружен. В перспективе возможны подобные же исследования по обнаружению семантических ореолов, пришедших из разных стихотворных традиций, а также по обнаружению соотношения между биографией и творчеством на уровне стихотворного размера.

**Ключевые слова:** Юргис Казимирович Балтрушайтис, семантический ореол, балтийские дайны, четырехстопный хорей, стихотворный размер, образ, мотив, тема, идея

**Финансирование.** Исследование не имело финансовой поддержки

**Для цитирования:** Симак Н. И. Балтийский субстрат в творчестве Ю. К. Балтрушайтиса. *Вопросы национальных литератур. Issues of national literature.* 2025, №3 (19). С. 34–43. <https://doi.org/10.25587/2782-6635-2025-3-34-43>

*Original article*

### The Baltic substrate in the works by Jurgis Baltrušaitis

**Nazariy I. Simak**

K. E. Tsiolkovsky Kaluga State University, Kaluga, Russian Federation

✉ [p0plaw0k@yandex.ru](mailto:p0plaw0k@yandex.ru)

#### Abstract

The article describes the detection of typological similarities at the thematic, figurative, motivic and ideological levels of the text between the dainies, traditional for the Baltic folk versification, and the poems by Jurgis Baltrušaitis from the collection “Earthly Steps” with the same poetic size. The purpose of the article is to detect a semantic halo between the groups of works under consideration, determined by the author's biography. Structuralism was chosen

© Симак Н. И., 2025

as the method of the study, based on the claims that a literary work consists of several levels of structure, each level has its own autonomous laws, and some more general laws apply at all levels and link them together. As a result of the study, a semantic halo was found at all of the above levels. In the future, similar studies are possible to detect semantic halos that come from different poetic traditions, as well as to discover the relationship between biography and creativity at the level of metre.

**Keywords:** Jurgis Kazimirovich Baltrušaitis, semantic halo, Baltic dainas, four-stop chorus, metre, image, motif, theme, idea

**Funding.** No funding was received for writing this manuscript

**For citation:** Simak N. I. The Baltic substrate in the works by Jurgis Baltrušaitis. *Issues of national literature*. 2025, No. 3 (19), Pp. 34–43. <https://doi.org/10.25587/2782-6635-2025-3-34-43>

## Введение

Юргис Казимирович Балтрушайтис, поэт-символист серебряного века, активно писал стихотворения на русском языке в начале своей творческой карьеры, первые два его сборника стихотворений были на русском. Сам поэт родился в литовской деревне Паантвардис и вплоть до 1893 г. проживал на родине в среде, благоприятной для влияния устного народного творчества.

Ценными для нашего исследования будут считаться схождения размеров стихотворений Балтрушайтиса как с литовскими, так и с латышскими народными размерами. Такое обобщение уместно за счет родства латышского и литовского языков и общего для народов-носителей культурного пространства, регулярности культурного обмена между ними.

По М. Л. Гаспарову, «основной народный латышский размер звучит как 4 (3) + 4 (3)-сложный стих с хореическим ритмом» [1, с. 15] и женской или мужской клаузулой, где четыре слога могут чередоваться с тремя слогами в полустишиях, так как «в ходе развития латышского языка в некоторых формах слов последние краткие слоги отпали» [1, с. 15]. В литовском народном стихосложении «основным размером тоже может считаться 8-сложник, тоже из двух 4-сложных полустиший и тоже с зевгмой перед последним словом каждого» [1, с. 16]. В нем обычно встречается женская клаузула («в среднем три четверти стихов и полустиший имеют женское окончание» [1, с. 16]). Второстепенные литовские размеры: 7-, 6-, 5-сложники, которые точно так же имеют преимущественно женское окончание, точно так же не имеют никакой упорядоченности долгот и ударений, но в отличие от 8-сложника свободны от цезуры» [1, с. 17].

Сравнение исконно силлабических размеров балтийского народного стиха и силлабо-тонических, используемых Ю. Балтрушайтисом, уместно и релевантно, так как постепенно балтийская силлабика тяготеет к добавлению тоники: «в ходе развития латышского языка ударение в нем из разноместного стало фиксированным на начальном слоге слова; от этого в полустишиях развивается ритм силлабо-тонического хорая» [1, с. 15], причем настолько устойчиво, что сочетание в рамках одного полустишья с числом слогов 1 + 3, «подпадая под влияние хореического ритма, искусственно сдвигает ударение 3-сложного слова с начального слога на средний» [1, с. 15]; а «в литовском языке между долготой и ударностью звука существует связь» [1, с. 16], отчего «в стихе естественно возникает тенденция к хореическому ритму (благодаря полустишиям в 2 + 2 слога)» [1, с. 16–17].

Итак, если конвертировать исконные силлабические балтийские размеры в силлабо-тонику, то можно говорить о четырехстопном ямбе с мужской или женской клаузулами (также нет оснований пренебрегать вариантами, где данные клаузулы чередуются). В «Земных ступенях» обнаруживается двадцать девять стихотворений, соответствующих такому размеру: 3-я «Утренняя песня», «Пасхальный звон», «В лесу», «Аккорды», «Полдень», «Ветер», «Раздумие», «Ave, stella Maris», «Noli tangere circulos meos», «Сердце», «Песня», «Раздумие», «Ступени», «Детские стихи», «Ave, crux!», «Жница», «На отмели», 2-я «Вечерняя песня», 3-я «Вечерняя песня», «Дорога», «Сизиф», «Видение», «В парке», «Бедная сказка», «Ткач», «Мир свободы», «Элегия», «Зодчий», «Nocturne». Соотношение таких стихотворений к общей массе текстов сборника – 29/93 (то есть с погрешностью – 1/3).

Все перечисленные произведения соотносятся с исконными балтийскими 8-сложниками, кроме «Бедной сказки», соответствующей 6-сложнику. В данном стихотворении один стих Ю. Балтрушайтиса содержит два таких исконных 6-сложника, разделенных цезурой.

При анализе стихотворений мы будем исходить из понятий структурализма, основанных на утверждениях о том, что «литературное произведение представляет собой несколько уровней строения (начиная от фоники и метрики и кончая образным и идейным строем), на каждом уровне действуют свои автономные законы, а некоторые более общие законы действуют на всех уровнях и связывают их воедино» [2, с. 11], но этих общих законов недостаточно для того, чтобы утверждать детерминированность стихотворного размера идейно-тематическим уровнем текста. И хотя «структурализм не отрицает органической связи между элементами произведения, он лишь ограничивает круг ее действия» [2, с. 12], в вопросе соотношения смысла и размера структурализмом избирается исторический подход, утверждающий историко-культурную преемственность элементов содержательного уровня произведения в диахронии в рамках одного и того же размера, так называемую «память размера». Совокупность элементов содержательного уровня текста, присущих тому или иному размеру, в нашем исследовании будет называться семантическим ореолом размера.

Объектом исследования является первый сборник стихотворений Ю. Балтрушайтиса «Земные ступени». Предмет исследования – поэтика данного сборника.

### **Типологические схождения дайнов и поэтики Ю. К. Балтрушайтиса**

Стихотворения будут классифицированы по темам и сопоставлены с тематически схожими дайнами. Под темой будет пониматься совокупность органически по смыслу связанных элементов идейно-образного уровня текста (по большей части образов и мотивов, так как эмоциональная окраска и идея более «гибки» и способны накладываться на тематически абсолютно разнообразие образы и мотивы).

Классификация на темы данных стихотворений является очень подвижной и условной, так как в одном произведении могут содержаться элементы, характерные для разных тем. Например, «Аккорды» можно было бы отнести к стихотворениям темы природы, но главенствующими в нем являются все-таки символы, дополняющие идею о духовной трансгрессии лирического субъекта (парадигмы образов «жизнь – неволя», «мысль – воля» и т. д.), а образы природы присутствуют как вспомогательные, как материал, дополняющий эту идею, привлекая ассоциации, характерные для темы природы. Но факт в том, что образы природы в стихотворении все же присутствуют, что затрудняет его классификацию. В итоге стихотворение вынужденно относится в очень узкую и конкретную тему стремления к трансцендентному из-за сильного перевеса именно присущих этой теме элементов. Вместе с тем в стихотворении «Полдень» наблюдается подобная

же ситуация: образы природы дополняют идею о трансцендентности. Но в отличие от «Аккордов» образы природы присутствуют в тексте от начала до конца, их можно отнести к вариантам инварианта «природа», который можно вписать в идею произведения: «человеку необходимо примириться с природой». Так что данное стихотворение помещается в тему природы, хотя часть содержательного уровня текста определённо содержится в другой теме (например, в той же теме стремления к трансцендентному). Иногда темы настолько равнозначны, что благоразумнее всего отнести стихотворение во множество групп. Так, например, в стихотворении «Раздумье» проводится параллель между жатвой и жизнью, что затрудняет выделение главенствующей темы; и произведение классифицируется в обе группы: тему жизни и тему земледелия.

При таких затруднениях в классификации разделение стихотворений по наиболее общим темам все же необходимо для удобного их сопоставления с разделёнными по своим тематическим группам дайнами.

Тематически выделенные нами стихотворения можно классифицировать на следующие группы: тема Пасхи («Пасхальный звон»); тема природы (3-я «Утренняя песня», «В лесу», «Полдень», «Ветер»); тема мироустройства («Песня», «Ступени»); тема судьбы-рока («Раздумье», «Раздумье», «Дорога», «Ткач»; тема земледелия («Раздумье», «Раздумье», «Жница»); тема труда – («Жница», «Сизиф», «Ткач», «Nocturne»); тема стремления к трансцендентному («Аккорды», «Noli tangere circulos meos», «Сердце», «Ступени», «Ave, crux!», «На отмели», 2-я «Вечерняя песня», 3-я «Вечерняя песня», «Дорога», «Сизиф», «Мир свободы», «Зодчий», «Nocturne», «Элегия»); тема моря («Ave, stella Maris», «На отмели»); тема детства («Детские страхи»); тема ночи («Детские страхи», 2-я «Вечерняя песня», 3-я «Вечерняя песня», «Бедная сказка», «Элегия»); тема любви («Жница», «В парке», «Бедная сказка»); тема светопредставления («Видение»).

Сопоставление с дайнами будет производиться на базе сборника К. Барона [3]. Дайны в нем пронумерованы, и при ссылке на них будет приводиться номер.

Центральной темой сборника является тема стремления к трансцендентному. Ее при желании можно найти в каждом стихотворении. В нашем случае в нее отнесены произведения, где данная тема проглядывается наиболее явно и независимо, то есть без дополнений в виде других тем. В тему стремления к трансцендентному входят необходимые, составляющие ее «подтемы», например, темы неволи, одиночества и т. д. Некоторые такие подтемы могут быть основными темами некоторых дайнов, что также необходимо учитывать. Так произошло с подтемой одиночества, которую можно выделить как основную в целой череде дайнов о сиротах [3, с. 30-34]. Тему одиночества можно выделить в стихотворениях «Сердце», «Ступени», «Ave, crux!», «На отмели», «Элегия». В «Ступенях», «Ave, crux!» одиночеству дается скорее позитивная коннотация: в своем одиноком стремлении художник приобретает героический характер. Мы не сочли нужным выделять тему одиночества в стихотворениях, где лирический субъект противопоставлен художественному миру (например, 2-я и 3-я «Вечерние песни», «Сизиф» и т. д.), т. к. в данных случаях одиночеству не уделяется особого внимания; здесь стоит отметить, скорее, не подтему одиночества, а подтему личности, одиозности героя. Так или иначе эта «одиозность» присутствует в каждом произведении данной темы.

Между дайнами и стихотворениями Ю. Балтрушайтиса наблюдаются типологические сходства и на образном уровне. Образы берега (отмели) и моря, являющиеся центральными в «На отмели», встречаются в дайнах о сиротах (3966 [3, с. 30], 4304 [3, с. 32]). Повсеместны также в дайнах о сиротах, связанных с образами моря и берега, образы воды, волны, водоемов и т. д. (4255 [3, с. 32],

4153 [3, с. 32], 4730 [3, с. 33], 5130 [3, с. 34]). Обнаруживается дайна (3966 [3, с. 30]) с ситуацией, тождественной ситуации «На отмели»: «одиноким человек сидит на берегу, плачет и смотрит в морскую даль», образ берега здесь сходится с образами слез рассвета в обоих произведениях.

Существует большое количество дайн, посвященных теме Пасхи, т. е. тематически соотносящиеся с «Пасхальным звоном» Ю. Балтрушайтиса, но в «Пасхальном звоне» главный образ – колокол (церковь, колокольный звон), в дайнах – качели.

Тема судьбы-рока предполагает обращение к будущему времени с позиции предугадывания (оба «Раздумья», «Ткач») или неведения («Дорога»), причем предугаданное носит детерминированный характер, отчужденный от воли лирического субъекта. Также необходимыми для данной темы являются символы, подтверждающие беспомощность перед роком, подневольность человека (например, образы гор и колеи в «Дороге») или мотив неведения, сопряженный с мотивом узнавания (как в последней строфе «Ткача»). У Ю. Балтрушайтиса тема судьбы-рока тесно связана с темой земледелия и, соответственно, с темой цикличности времени.

Мотив предугадывания в дайнах отражается через мотив предзнаменования и сопряженные с ним образы (например, образ соловья – 27924 [3, с. 176], 28033 [3, с. 176]; 28380 [3, с. 177]). Мотив предзнаменования в дайнах всегда предполагает обращение к будущему времени с позиции предугадывания или уверенности. Но встречается предугадывание и вне мотива предзнаменования: 28496 [3, с. 178], 28616 [3, с. 179].

Также данная тема предполагает обычно невысказанный (скрытый, открывающийся при анализе) образ чужой большей воли, тесно связанный с мотивом предугадывания, т. к. предугадываемое совершается не волей лирического субъекта, а волей «высших сил». Образ чужой воли также неразрывно связан с мотивом каузации. Будущее событие обычно детерминировано климатическими явлениями (например, первое «Раздумье») или Богом (например, второе «Раздумье»). В качестве вариантов инвариантного образа чужой воли в первом «Раздумье» выступают, например, образы утра и вечера, во втором – образ Бога, хотя здесь данные образы отождествляются. В некоторых дайнах на тему земледелия наблюдается скрытый образ чужой воли. Он иногда выражен образами климатических явлений, небесными и земными образами: солнце – 28065 [3, с. 176], лето – 28645 [3, с. 179], пыль – 28798 [3, с. 179], весна и осень – 28829 [3, с. 179] и т. д. Иногда он выражен через образ Бога: 28136 [3, с. 177], 28732 [3, с. 179] (здесь с мотивом неведения).

Наибольшее расхождение с стихотворениями в вопросе образа чужой воли возникают, когда в дайнах он выражен через образ человека (пахаря, брата, сестрицы и т. д.): 28165 [3, с. 177], 28230 [3, с. 177], 28603 [3, с. 179], 28834 [3, с. 179] и т. д. Показательна дайна, где прямо провозглашается незначительность, ничтожность индивидуальной воли перед волей большей, чужой (в данном случае коллективной) – 28417 [3, с. 178].

Отличие стихотворений и дайн на тему судьбы-рока заключается в отсутствии в дайнах парадигмы образов «человек (человеческая воля) – результат посева (сев)». Также существуют дайны прямо противоречащие представлению о превосходстве большей воли над малой: 28512 [3, с. 178], 28560 [3, с. 178], 28758 [3, с. 179], 28754 [3, с. 179].

Существуют дайны на тему судьбы-рока с мотивом ткачества: 28279 [3, с. 177], что соотносится с «Ткачом», где данный мотив является основополагающим.

Обнаруживаются дайны вне темы земледелия, поднимающие тему судьбы-рока (например, дайны 3 [3, с. 12], 1174 [3, с. 18] и т. д.). Часто такие песни имеют социальный подтекст и поднимают тему неравенства, в них чаще возникает самостоятельный, без параллели с природой, образ Бога (31655 [3, с. 207], 31460 [3, с. 206]). В таких дайнах обнаруживается новая параллель: парадигма образов



дополняется новым отождествлением: к сравнению Бога и природных сил (климатических явлений) добавляется сравнение их со старшими членами семьи (31655 [3, с. 207]). Все члены данной парадигмы являются вариантами большей воли. Бог может отождествляться с родителями с функциональной точки зрения: и Бог и родители являются создателями субъекта малой воли. Посредством метонимического переноса вариантом климатических явлений становится солнце (31659 [3, с. 207]). Здесь отождествление имеет мифологические корни, которые более явно видны в сиротских и детских песнях, но также являются изоморфными для всех дайн вообще, т. к. содержатся в народном представлении и отражают его через народное творчество: «у сирот самые сильные покровители – Лайма и Мара. Часто мать сиротам заменяет сама Сауле (Солнце, в латыш. яз. – ж. р.), которая греет, жалеет, побуждает трудиться. Солнце и мать вообще в детских песнях параллельно действующие образы. Зачастую они употребляются с одними и теми же эпитетами – милая, белая» [3, с. 240].

Часто тема судьбы-рока поднимается в дайнах, посвященных смерти [3, с. 169-175]. Здесь субъект большей воли чаще остается не названным или его место занимает Бог или мифологическое существо (мать-хозяйка земли – 27340 [3, с. 170], мать-хозяйка чумы 27414 [3, с. 170], Мара – 27436 [3, с. 171] и т. д.).

Тема труда иногда содержит в себе подтему неравенства (например, в «Жнице»). Данной теме посвящено множество дайн [3, с. 198-209]. Важной составляющей темы труда также является тема скрытой победы угнетаемого, когда он, оставаясь в позиции угнетаемого, приобретает или изначально имеет нечто более ценное, чем позиция угнетающего. У Ю. Балтрушайтиса данная тема реализуется в двух последних строфах «Жницы». Данная тема встречается также и в дайнах: 31052 [3, с. 198], 31098 [3, с. 199].

В дайнах также представлена похожая на вышеописанную тема желаемой победы угнетаемого, заключающаяся в реализации ресентиментарного импульса в песне, выполняющей в данном случае роль своеобразного заговора, в виде простого оскорбления или моделирования гипотетической ситуации подмены социальных ролей: 31058 [3, с. 199], 31072 [3, с. 199]. Такие песни также тесно связаны с темой судьбы-рока, т. к. тема желаемой победы угнетаемого предполагает в некоторых случаях сопряженную с подменой социальных ролей подмену большей воли помещика на меньшую волю батрака и наоборот (31471 [3, 206]). Часто в таких случаях большая воля отводится именно коллективу батраков.

Характерен как для дайн темы неравенства, так и для «Жницы» слом установившегося в начале произведения порядка вещей. Данный мотив реализуется и за пределами тем скрытой и желаемой победы угнетаемого: 31099 [3, с. 199].

Антагонизм хозяина и подчиненного представлен из всех стихотворений Ю. Балтрушайтиса, отнесенных к теме труда, лишь в «Жнице». Если попытаться выделить антагонизм в других произведениях этой темы, то рабу можно противопоставить бытие как таковое («раб мятежный, вновь я брошу вызов бытию!»). Но данное противоположение характерно для большинства стихотворений сборника, так как оно связано с центральной темой духовной трансгрессии. Данный антагонизм схож с характерным сюжетом дайн, исполнявшихся на помещичьих полях, «на которых крестьянин гнул спину на ненавистного помещика-немца» [3, с. 236]. Такая антитеза крайне распространена в дайнах и присутствует не только в песнях с социальной направленностью, но и в сиротских дайнах: «в сиротских песнях проступает ещё одна важная антитеза: сирота и чужая мать, мачеха или просто хозяйка, на которую работает сирота» [3, с. 240].

Стихотворения темы моря соотносятся с рядом дайн, посвященных морю, рекам, озерам [3, с. 193-198]. Здесь схождения наблюдаются в соотношении образа

корабля из стихотворений и лодки, бревна в дайнах, в образах волн, ветра и т. д. Также существует схождение на основании образа морской стихии, но в дайнах он наделяется чаще негативной коннотацией, inferнальными чертами (атрибутируется черным цветом: 30710 [3, с. 194], 30796 [3, с. 194]), реализует тему смерти (30710 [3, с. 194], 30796 [3, с. 194], 30709 [3, с. 193], 30691.2 [3, с. 193]); у Ю. Балтрушайтиса же данный образ либо является вариантом трансцендентного («На отмели»), либо вариантом земного хаоса, с которым лирический субъект героически борется, преодолевает («Ave, stella Maris»). Во втором случае фиксируется если не позитивная, то нейтральная коннотация, так как море становится ступенью к трансцендентному, стремление к которому – сокровенное желание лирического субъекта сборника.

Тема детства в стихотворениях Ю. Балтрушайтиса соотносится с целым рядом дайн на ту же тему [3, с. 18-29]. И в стихотворениях, и в дайнах на данную тему присутствует образ мыши: 2075 [3, с. 21], 2120 [3, с. 21]. В дайнах также, как и в стихотворении, присутствует мотив проникновения, причем в этих же дайнах встречается и образ мыши, т. е. обнаруживаются схождения на основе целого комплекса элементов: 2075 [3, с. 21], 2120 [3, с. 21]. В дайнах, как и в «Детских страхах», наблюдается большое количество животных образов: в стихотворении они реализуются либо прямо (мыши), либо косвенно, через зооморфные атрибуты образа нечисти (копыта, крыло); в дайнах они реализуются напрямую (мышь, медведь – 2105 [3, с. 21], синица – 2092 [3, с. 21], аист – 2147 [3, с. 21], ягнята, козлята – 2157 [3, с. 22], пес, кот – 2188 [3, с. 22]). Встречается также в дайнах на тему детства образ могилы и сопряженный с ним мотив возврата из нее, что напрямую соотносится с подобными же элементами из «Детских страхов»: 2553 [3, с. 24]. В этой же дайне присутствует и животный образ тетерева, соотносящийся с образом крыла Ю. Балтрушайтиса. Встречается в детских дайнах и одна из главных тем «Детских страхов» – тема страха: 2587 [3, с. 24], 2624 [3, с. 24]. В стихотворении обнаруживается тема угрозы, насилия, боли, смерти, также присутствующая в дайнах: 2723 [3, с. 25], 2714 [3, с. 25], 2744.2 [3, с. 25], 2799 [3, с. 25], 2878 [3, с. 26], 2947 [3, с. 26] и т. д. Данные темы у Ю. Балтрушайтиса вытекают из темы страха: страх детерминирован именно потенциальным насилием, угрозой. В общем эти темы можно определить в тему предмета страха. В дайнах же эти темы реализуются самостоятельно, и уже тему страха можно определить как следующую из них.

Тема ночи в дайнах часто возникает в песнях, посвященных неравенству, взаимоотношениям помещика и батрака. В данных песнях ночь имеет положительную коннотацию, она воспринимается как время отдыха от барщины, как средство избавления от подневольной работы в поле, проводимой днем (31653 [3, с. 206-207], 31659 [3, с. 207]). День в батрацких дайнах через метонимию отождествляется с адом: с ним сравнивается гумно, клеть, рига (31538 [3, с. 206]) на основании тяжелой работы, проводимой в них; так как работа, отождествленная с адом, производится именно в период дня, то и день с помощью метонимического переноса становится адом. На противопоставлении с днем ночь, таким образом, становится раем, временем избавления, о котором умоляют Бога. В дайнах воспрещается барину сечь «мужика под вечер» [3, с. 204] и предлагается сечь его при солнце (31269 [3, с. 204]). Негативное событие, например, воровство сестры, происходит именно «на самой на зорьке» [3, с. 69], сразу после окончания ночи, но никак не во время нее (13643 [3, с. 69]).

Во всех выделенных стихотворениях Ю. Балтрушайтиса, посвященных теме ночи, кроме «Детских страхов», ночь также имеет положительную коннотацию. Это благоприятное для лирического субъекта время в плане его духовных

поисков, мир засыпает, ослабляет давление на героя, который, таким образом, приближается к трансцендентному, небеса и земля соединяются, «сочетается без грани свет небес и свет земной» [4, с. 101], т. е. профанно-земное обогащается сакрально-небесным, причастным к трансцендентному. Ночь атрибутируется «вещим сном» [4, с. 179], вариантом трансцендентного, в противопоставление земной мысли, т. е. ночь так же, как и в дайнах, отождествляется с небесным, божественным, сакральным.

В большинстве стихотворений Ю. Балтрушайтиса, посвященных теме природы, например, «Полдень», подтеме дня отводится положительная коннотация, но он все же атрибутируется образом огня, который семантически близок образу ада, и в конце концов сводится в парадигму «день – земная ноша», которая в общей концепции сборника может рассматриваться как сугубо отрицательная с ценностной и даже эмоциональной точек зрения.

Тема светопредставления в стихотворениях соотносится с дайнами о смерти [3, с. 169-175]. В некоторых текстах этой темы встречается, как и у Ю. Балтрушайтиса, образ коня (27495 [3, с. 172], 27664 [3, с. 173]). В одной и той же дайне встречаются одновременно и образ коня, и ангелов, что также соотносится с «Видением» (27495 [3, с. 172]). Обнаруживаются схождения между образом коня в «Видении» и образом коня в дайнах: с ним тесно связан образ искр, высекаемых подковами (29697 [3, с. 184], у Ю. Балтрушайтиса – молнии), часто конь фигурирует в песнях, содержащих темы смерти, угрозы (30201 [3, с. 186], 30132 [3, с. 185], 30028 [3, с. 185]), занимающие также основное место в «Видении».

Теме любви посвящено большое количество дайн: к ним можно отнести песни о отношениях парней и девушек [3, с. 52-65], песни в пору поисков невесты и сватовства [3, с. 66-94], свадебные песни [3, с. 95-159]. Схождения стихотворений темы любви с дайнами основываются на наличии в обоих случаях образа ночи. Все стихотворения Ю. Балтрушайтиса, поднимающие тему любви, так или иначе связывают любовь с ночью. Ночь здесь – благоприятное для любви время, соединяющее не только любящих людей, но и небо с землей (об этом см. выше). В дайнах, учитывая положительную коннотацию ночи в целом, любовь также часто возникает вместе с образом ночи (13767 [3, с. 72], 13793 [3, с. 72], 13353 [3, с. 67]). Данная роль ночи иногда усиливается на противопоставлении с днем, который атрибутируется трудом, пыткой, барщиной (13353 [3, с. 67]).

В стихотворении «В парке» тема любви возникает в связи с образом осени. В дайнах осень – это время свадеб. Теме осени в этой ипостаси посвящен ряд дайн [3, с. 72-73]. У поэта осень связывается именно с утерянной, неразделенной, в общем не существующей в данный момент, но желанной любовью, что также обнаруживается и в дайнах (13767 [3, с. 72]).

Тема мироустройства в стихотворениях Ю. Балтрушайтиса заключается в том, что весь реальный мир аллегорически отражен в стихотворении, при этом структурное отождествление выделяет самые фундаментальные с точки зрения автора закономерности действительности. Так, в «Песне» фундаментальные понятия бытия, жизни и трансцендентного отождествлены с образами реки, гор и света; описаны их функции в художественной действительности: река «мечется», порождая хаос, горы тянутся к небесам-трансцендентному, небесный свет изредка падает на сумрачные струи, утверждая среди хаоса временную гармонию. В «Ступенях» же даны главные стремление и цель человеческой жизни – восходить из земного пространства «на ликующий простор» [4, с. 75], то есть в пространство трансцендентного. Картины мира в этих произведениях тождественны и дополняют друг друга. Таким образом, в них описано мироздание и описаны его основные закономерные движения.

В дайнах можно увидеть ту же, что и в стихотворениях, дихотомию земли и неба, где небо наделяется высшей, божьей мудростью, что можно отнести к варианту трансцендентного (33648 [3, с. 230]. Под мудростью же, или разумением, подразумевается не практически-бытовая мудрость, а сакральное знание, управляющее силами природы, правящее бытием (33652 [3, с. 230]). Земной мир в дайнах находится в подчинении у небесного, принадлежит ему, что соответствует представлениям Балтрушайтиса, т. к. только свет трансцендентного преображает бытие в его стихотворениях, но не наоборот (33671 [3, с. 230]). Стремление к небесному-трансцендентному как основное и неизбежное стремление человеческой жизни также отражено в дайнах: все движение освещается, каузируется этим стремлением (33697 [3, с. 230]). В связи с противостоянием небесного и земного возникает и образ воды, а именно моря (33692 [3, с. 231]), как и в «Песне», где соприкосновение двух пространств также сопряжено с образом воды, реки.

Тема природы так или иначе отображена в подавляющем количестве дайн. Основные идеи стихотворений Ю. Балтрушайтиса на тему природы: идея природы как чуда за счет ее связи с трансцендентным, обогащающим природу (3-я «Утренняя песня»); идея постижимости природы, превосходства человека над ней («В лесу»); идея мира как приятной ноши на пути к трансцендентному («Полдень»); идея противоречивости природы, заложенного в ней побуждения преодолеть саму себя («Ветер»). В сумме эти идеи дают представления об отдельности человека и природы, о эстетическом авторском образе природы, об отношениях «природа – человек – трансцендентное».

В дайнах можно на идейном уровне найти идеи превосходства человека над природой, но не онтологического, как у Ю. Балтрушайтиса, а физического, волевого, технического (30470 [3, с. 189], 30474 [3, с. 189], 30505 [3, с. 190]). Идея противоречивости природы может выражаться в дайнах через оксюмороны, например, «что весна так холодна» – 30607 [3, с. 191]. Идея природы как чуда реализуется в дайнах посредством мотивов осуществления неосуществимого (постановки такой задачи) и фантастических или мифологических образов (30580 [3, с. 190]). Идея мира как приятной ноши в дайнах реализуется путем выстраивания параллели позитивных и далее негативных образов, мотивов (30615 [3, с. 191]).

### Заключение

Итак, наблюдаются типологические схождения на образном, мотивном и идейном уровнях текста между стихотворениями Ю. Балтрушайтиса из сборника «Земные ступени» с размером четырехстопного хорея с женской или мужской клаузулой и латышскими дайнами. Подобные схождения у разных произведений с одинаковым размером дают повод говорить о семантическом ореоле. Учитывая наличие семантического ореола четырехстопного хорея чисто русского происхождения, можно говорить о семантическом ореоле четырехстопного хорея балтийского происхождения, пришедшем в творчество Балтрушайтиса предположительно по биографическим причинам.

### Л и т е р а т у р а

1. Гаспаров М.Л. *Очерк истории европейского стиха*. Москва: Фортуна Лимитед; 2003:272.
2. Гаспаров М.Л. *Метр и смысл*. Москва: Фортуна ЭЛ; 2012:416.
3. Латышские дайны: Из сборника Кришьяниса Барона, 1894-1915. Пер. с латыш. Москва: Худож. лит.; 1985:254.
4. Балтрушайтис Ю.К. *Земные ступени*. Москва: Скорпион; 1911:227.

### References

1. Gasparov ML. *Essay on the History of European Verse*. Moscow: Fortuna Limited; 2003:272 (in Russian).
2. Gasparov ML. *Metre and Meaning*. Moscow: Fortuna EL; 2012:416 (in Russian).
3. Latvian Dains: From the Collection of Krišjānis Barons, 1894–1915. Translated from Latvian. Comp. G. Prijede and A. Shcherbakova; Preface by G. Prijede; Commentary by S. Viese; Artist A. Belyukin. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura; 1985:254 (in Russian).
4. Baltrušaitis Ju.K. The earthly steps. Moscow: Skorpion; 1911:227 (in Russian).

### Об авторе

*СИМАК Назарий Игоревич* – студент 3 курса института филологии и массмедиа, ФГБОУ ВО «Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского», г. Калуга, Российская Федерация, e-mail: p0plaw0k@yandex.ru

### About the author

*SIMAK Nazariy Igorevich* – 3d-year student, Institute of Philology and Mass Media, K. E. Tsiolkovsky Kaluga State University, e-mail: p0plaw0k@yandex.ru

### Информация о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

### Conflict of interests

The author declares no conflict of interest

Поступила в редакцию 08.07.25 / Submitted 08.07.25  
Принята к публикации 12.09.25 / Accepted 12.09.25



УДК 801.6

<https://doi.org/10.25587/2782-6635-2025-3-44-54>

Оригинальная научная статья

## **Стихотворная поэтика М. Гронаса: внутренняя рифма как частный случай повтора (на материале сборников «Дорогие сироты» и «Краткая история внимания»)**

**В. Ю. Чайкина**

Литературный институт имени А.М. Горького, г. Москва, Российская Федерация

✉ [victoriachaykina@yandex.ru](mailto:victoriachaykina@yandex.ru)

### **Аннотация**

Статья посвящена анализу поэтики в двух поэтических сборниках Михаила Гронаса – «Дорогие сироты» и «Краткая история внимания». Особое внимание уделено внутренней рифме и повтору, как стихотворным и смыслообразующим единицам. Исследование проводится на основе лингвопоэтического анализа с опорой на структуру текста, ритмико-интонационную организацию и принципы минимализма. Внутренняя рифма и повтор рассматриваются как способы смыслового и ритмического уплотнения, формирования визуального и аудиального восприятия текста. Выявляется связь приемов с поэтическим движением от коллективного экзистенциального высказывания к интонации личного внимания, созерцания и молчания.

**Ключевые слова:** Михаил Гронас, внутренняя рифма, повтор, лингвопоэтика, современная поэзия, минимализм, поэтика

**Для цитирования:** Чайкина В. Ю. Стихотворная поэтика М. Гронаса: внутренняя рифма как частный случай повтора (на материале сборников «Дорогие сироты» и «Краткая история внимания»). *Вопросы национальных литератур*. 2025. № 3 (19). С. 44–54. DOI: <https://doi.org/10.25587/2782-6635-2025-3-44-54>

*Original article*

## **Verse's poetics of Mikhail Gronas: internal rhyme as a special case of repetition (based on the collections "Dear Orphans" and "A Brief History of Attention")**

**Viktorii Yu. Chaikina**

A.M. Gorky Literary Institute, Moscow, Russian Federation

✉ [victoriachaykina@yandex.ru](mailto:victoriachaykina@yandex.ru)

### **Abstract**

The article is devoted to the analysis of poetics in two poetry collections by Mikhail Gronas: "Dear Orphans" and "A Brief History of Attention". Particular attention is paid to internal rhyme and repetition as poetic and meaning-forming units. The study is based on a linguapoetic analysis based on the structure of the text, rhythmic and intonational organization and principles of minimalism. Internal rhyme and repetition are considered as methods of semantic and rhythmic condensation, formation of visual and auditory perception of the text. The connection of the techniques with the poetic movement from collective existential utterance to the intonation of personal attention, contemplation and silence is revealed.

© Чайкина В.Ю., 2025

**Keywords:** Mikhail Gronas, internal rhyme, repetition, linguapoetics, contemporary poetry, minimalism, poetics

**For citation:** Chaikina V.Yu. Verse's poetics of Mikhail Gronas: internal rhyme as a special case of repetition (based on the collections "Dear Orphans" and "A Brief History of Attention"). *Issues of National Literature*. 2025. No. 3 (19). С. 44–54. DOI: <https://doi.org/10.25587/2782-6635-2025-3-44-54>

## Введение

Современная русская поэзия демонстрирует широкий спектр эстетических стратегий, в рамках которых эксперимент с формой, речью и интонацией становится одной из ведущих тенденций. В этом контексте поэтическое творчество Михаила Гронаса представляет особый интерес. Поэт, филолог, культуролог, он создает тексты, в которых пересекаются минимализм и интеллектуальная глубина, игровое и серьезное, ирония и экзистенциальная сосредоточенность. Актуальность данной статьи определяется необходимостью внимательного осмысления лирики М. Гронаса как части современной литературной парадигмы, в которой поэт занимает позицию интеллектуального наблюдателя, работающего с языком как с предметом рефлексии. Несмотря на заметность его имени в литературной среде, академическое изучение его поэтики остается фрагментарным. Цель исследования: выявить и описать повторы, встречающиеся в стихотворениях М. Гронаса; определить разновидности повторов, которые образуют внутреннюю рифму, их художественную задачу в творчестве автора; рассмотреть интертекстуальность поэтики и специфику лирического высказывания. Поскольку между изданием двух сборников прошло около 20 лет, используя сравнительный анализ, можно выявить перспективу развития поэтики М. Гронаса через стихотворческие приемы.

Ключевые приемы создания художественного мира у поэта – повтор и внутренняя рифма. Настоящая статья ставит своей задачей описание поэтического вектора развития и выявление роли этих приемов в сборниках поэта. В качестве материала исследования использованы стихотворения из авторских изданий «Дорогие сироты» [1] и «Краткая история внимания» [2], материалы, посвященные исследованию внутренней рифмы [3] и повторам [4], статья М. Гронаса, посвященная мнемоническому бытованию стихотворения [5], материалы по теории стиха [6, 7] и анализу религиозных текстов [8], рецензии критиков на сборники поэта [9–13], публикации М. Гронаса, вышедшие до сборника «Дорогие сироты» [14], а также книги с формульным названием «Краткие истории» у других авторов [15–17].

Анализ проводится в рамках лингвопоэтики с привлечением элементов структурного и функционального подхода. Основное внимание уделяется повтору как синтаксической и риторической фигуре, а также внутренней рифме как фонетическому приему, обеспечивающему ритмико-интонационную целостность текста, и интертекстуальности, как способу интегрировать текст в культурный контекст.

Научная новизна работы заключается в попытке системного анализа поэтики М. Гронаса через призму его собственной языковой стратегии, ориентированной на сжатие, повтор и ритмическую структуру.

## История создания и критическая рецепция сборников

Дебютный поэтический сборник М. Гронаса «Дорогие сироты» был опубликован в 2002 г. в издательстве «ОГИ» в серии, курируемой М. Айзенбергом. Эта публикация принесла автору премию Андрея Белого в номинации «Поэзия» [18].

С момента появления в поэтическом сообществе М. Гронас вызывает у читателей и критиков амбивалентную реакцию: недоумение, эстетическое восхищение и попытку аналитического осмысления. Первые публикации в альманахе «Вавилон» задали определенную интонацию критического восприятия: стихотворения поэта оказывались трудными для интерпретации, но тем не менее – запоминающимися [14].

Поэт и исследователь П. Барскова в рецензии на сборник «Дорогие сироты» назвала тексты *«раздражающими»*, но одновременно призналась, что они *«въедаются в память»*, отмечая парадоксальную силу поэтического воздействия: *«Перед нами поэтика бормотания, слова то ли прижимаются друг к другу, то ли прячутся друг за друга; слова-новобранцы, слова-заключенные, слова-будни, слова-сироты...»* [9]. Стихотворения М. Гронаса наполнены ощущением непрерывного внутреннего монолога, где каждое слово самоценно и многозначно.

После выхода первого сборника наступает долгий период молчания – семнадцать лет, в течение которого поэт почти не публикуется. И только в 2019 г. М. Гронас представляет читателям свою вторую книгу под названием «Краткая история внимания» [2]. Молчание становится важной частью его поэтического образа, формируя вокруг имени М. Гронаса ореол отрешенности. Как пишет литературный критик Е. Риц в рецензии на «Краткую историю внимания»: *«Гронас – поэт неплодотворный, поэт, как уже было сказано, точечный, скупо роняющий слова, цедящий мир по каплям»* [10]. Так, даже редкие публикации вызвали в поэтическом сообществе резонанс, а фигура М. Гронаса становилась все более «культовой».

Возможно, эмиграция в США в 1995 г. повлияла на автора. Поэт покинул свою языковую среду и мог на себе испытать феномен «сиротства языка», что, в свою очередь, отразилось на его стихах через мотивы одиночества и отчуждения, а также многократные повторения, которые позволяют дольше удержать в памяти желаемое.

### **Интертекстуальность «Краткой истории внимания»**

Выбор формульного названия для второго сборника стихотворений, а именно «Краткая история внимания», ставит автора в один интертекстуальный ряд с «Краткой историей равенства» Т. Пикетти, где анализируются социально-экономические процессы, ведущие к большей справедливости в распределении благ, и «Краткой историей времени» С. Хоккинга, в которой излагаются базовые идеи космологии для широкой публики. Подобная модель была использована Ю. Н. Харари в книге «Sapiens: Краткая история человечества», где история *Homo sapiens* представлена как когнитивно-социальный эксперимент длиной в тысячелетия [15–17].

Это не является простым стилистическим заимствованием. М. Гронас как поэт-философ остро осознает гравитационную силу таких названий. «Краткая история внимания» вступает в диалог с «Краткой историей времени» и «Краткой историей равенства» – с текстами, фиксирующими и осмысляющими ключевые процессы нашей эпохи: научное познание, социальную динамику, историческую трансформацию человеческого сознания. Само использование М. Гронасом подобной формулы в названии своего поэтического сборника может рассматриваться как осознанный выбор, помещающий его работу в диалог с этими произведениями. Само слово «внимание» – философская категория, культурная проблема и антропологическая данность. «Краткая история внимания» – «внимание» в квадрате, попытка «задержаться» в культуре, быть видимым. Название сборника создает ожидание систематического и аналитического подхода к теме внимания, что необычно для поэтического текста, но соответствует философскому и культурному контексту нашей эпохи, характеризующейся стремлением к рефлексии и самопониманию.

### Сравнительный анализ сборников

В сборниках М. Гронаса «Дорогие сироты» и «Краткая история внимания» наблюдается устойчивая мотивная структура, в которой ключевыми являются метафоры сиротства, тела, света, пустоты, воды и дома. Однако способы функционирования этих мотивов в сборниках различаются.

В «Дорогих сиротах» мотивная система опирается на архетипические и социальные коды: сиротство представлено как метафора социальной оторванности, культурной маргинальности и духовной дезориентации. Мотивы обострены, наполнены трагической ироничностью и отчаянием: «я сирота вокзальный», «бог пустыни / и кровавой реки / выведи нас отсюда / сюда же» [1]. Сборник драматичен, конфликтен и религиозен: от библейских мотивов до фольклорной мифологии.

В «Краткой истории внимания» мотивы становятся более абстрактными и медитативными. Тело, свет, вода, пустота переходят в категорию метафизических понятий. Свет здесь – уже не просто знак высшего, но и маркер исчезновения: «растворение в свете луны», «свет ответ» [2]. «Тело» трансформируется: из носителя боли (в «Дорогих сиротах») в оболочку, из которой исчезает субъект. Мотивы начинают взаимодействовать на уровне полифонической метафизики – они не описывают, а формируют способ мышления.

Так происходит смещение от социальной и трагической конкретики к философской абстракции, от вопрошания и мольбы – к сосредоточенному созерцанию, ироническому осмыслению. Стилизовое развитие между сборниками также прослеживается как переход от поэтики громкого, конфликтного высказывания к поэтике тишины и разреженности.

В «Дорогих сиротах» стиль экспрессивен, разговорен, насыщен игровыми повторами, ассонансами, фольклорными интонациями и молитвенным бормотанием. Активно используется повтор («забыть значит начать быть/забыть значит начать быть/забыть значит начать быть»), звукопись («мура и мурыжит»), словотворчество («ослобони меня», «цветлица» [1].

«Краткая история внимания» демонстрирует противоположную тенденцию – к разряженности, сосредоточенности, «дыхательному» ритму. Здесь преобладает гетероморфный стих<sup>1</sup> («Тело живое в нем же живёт жилец» [2, с. 33], «В поисках чистого и пустого слова» [2, с. 34]) и увеличивается в процентном соотношении количество свободного стиха («Дом обесточен мир не светел...» [2, с. 11], «Кристалл (Целан)» [2, с. 26])

Чаще встречается лексическое обесценивание и неопределённость («я неважно и хочу неважно и сказать неважно» [2, с. 34]). И это выход из лихорадочной «неизбежности» в смутную неопределённость, которая порождает волнения и «страдания» иного толка.

Если в «Сиротах» поэтика нацелена на «выталкивание» смысла через наговор, то в «Истории внимания» – на его ускользание, встраивание в паузу и молчание.

В «Дорогих сиротах» адресат зачастую приобретает черты конкретного «ты» – собеседника, свидетеля или соучастника страдания. Иногда этот «ты» – лирический двойник, способный разделить опыт сиротства, чуждости, уязвимости.

<sup>1</sup> Гетероморфный стих – такой тип стиха, где «по мере развертывания текста постоянно происходит изменение конструктивных закономерностей стиховой структуры: “теряется” и вновь возникает рифма, отдельные строки имеют отчетливую силлабо-тоническую структуру, другие – только тоническую, встречаются также попарно зарифмованные строки раббиника и свободный стих. Варьируется также стопность стиха, объем клаузул, система рифмовки и, соответственно, строфика. При этом строки аналогичной структуры, как правило, объединяются в небольшие (от двух до пяти и более строк) группы (строфоиды), что позволяет читателю выработать установку на тот или иной тип стиха, которая затем так же закономерно нарушается» [6].

Это усиливает эмоциональную вовлеченность и придаёт тексту характер исповеди. Автор отражает коллективный опыт, но превращает его в интонацию индивидуальной боли.

В «Краткой истории внимания» адресат становится более расплывчатым. Это может быть читатель, Бог, внутреннее «я», и чаще всего «пустая форма», которая должна наполниться вниманием. Отсюда смена тона: он становится менее исповедальным, автор приглашает читателя к совместному размышлению. В поэтике происходит переход от эмоциональной сопричастности (сборник 2002 года) к интеллектуальному и даже медитативному соучастию (сборник 2019 года).

В «Дорогих сиротах» мифологема сиротства раскрывается как фигура изгнания, богооставленности и культурной разорванности. Присутствует библейский подтекст (мотив исхода, страдания, богоизбранности), и одновременно – ироничное осмысление фольклорных и религиозных сюжетов. Символы здесь наделены весом: «пустота», «вода», «дом», «песнь», и они становятся не только носителями утраты, но и несут в себе надежду на возвращение.

В «Краткой истории внимания» М. Гронас деконструирует символы, отказывается от устойчивых кодов и наделяет обыденные явления (снег, тишина, звук, тень) функцией мифологического посредничества между внутренним и внешним. Например, снег – это уже не природное явление, а интертекстуальная саркастическая отсылка, символ растворения и перезагрузки: «*Да святится имя его!*» [2, с. 46]. Символы становятся текучими и ускользающими – это уже не точки фиксации смысла, а рассеянные смысловые поля.

Поэтика М. Гронаса в обоих сборниках демонстрирует стремление к освобождению стиха от жёстких метрических и строфических ограничений. Вместо традиционной строфики и фиксированных ритмических схем преобладают свободные формы, дольники, акцентный стих, визуальная разметка, синтаксическая ритмизация. Автор сознательно избегает регулярности, используя стих как способ имитации живой речи, дыхания, внутреннего монолога. На этом фоне особенно заметен сдвиг от более плотных, ритмически организованных форм в «Дорогих сиротах» к еще более свободной и дыхательной структуре в «Краткой истории внимания». Если первый сборник всё ещё удерживает элементы силлабо-тоники для сгущения текста и активного движения, то во втором – силлабо-тоника теряет это свойство, даже там, где она применяется. На первый план выходит гетероморфный стих, подчеркивающий разряженность пространства, больше свободного стиха, где в основе однородная синтаксическая организация, которая определяет интонацию.

Сравнительный анализ сборников «Дорогие сироты» и «Краткая история внимания» позволяет проследить эволюцию поэтического мышления М. Гронаса от экзистенциальной исповеди к философской медитации. В первом сборнике поэтика строится на мощной эмоциональной вовлеченности, образной плотности и социально заряженной метафорике. Второй сборник демонстрирует движение к минимализму, редуцированию формы, усилению абстрактных смыслов и поэтике молчания. Меняется мотив мира: от тревожной, драматичной реальности сиротства – к пространству внутреннего внимания, от хаоса и крика – к тишине и паузе. Сохраняется архетипическая образность, но трансформируется ее функция: символы становятся зонами смысловой неопределенности.

М. Гронас демонстрирует поступательное развитие поэтического языка – от резонансной, протестной, окологолубной интонации – к метафизической и философски выстроенной поэтике нового типа, где внимание становится не только темой, но и формообразующим принципом.



### Специфика лирического высказывания

Лирическое высказывание в поэтике М. Гронаса строится как тип речевой деятельности, в котором важна не столько сообщаемая информация, сколько сам процесс артикуляции. Его поэзия не предлагает утверждений – она формирует пространство интонационного движения, внутреннего колебания, предельной открытости. Лирическое «я» в его стихах подвижно, фрагментарно, порой анонимно – оно распадается на голосовые импульсы, повторяющиеся интонации, адресации к неопределённому «ты».

Как отмечает П. Барскова, стихотворения М. Гронаса – это «поэтика бормотания», в которой «слова прячутся друг за друга» и «читаются, как ритмическая бесконечная медитация»: *«дома о домах люди о людях рука о руке между тем на нашем языке забыть значит начать быть забыть значит начать быть нет ничего светлее и мне надо идти но я несколько раз на прощание повторю чтобы вы хорошенько забыли»* [1], «что нажито – сгорело: угли». Лирическое высказывание здесь не утверждает, а нащупывает – часто в синтаксически недостроенной, синкопированной форме: *«ни на бы / ни на будто»* [1], *«лети меня свет...»*, *«иди иди <...> выбираешься / почти ничего не помнишь»* [1], *«если оно и поле...»*, *«почти / ничего / нигде»* [1], «ПОЧТИ НИЧЕГО НИГДЕ».

Интонационная структура такого текста сближается с речевым потоком и внутренним монологом. Она имитирует не логический дискурс, а прерывистую, интимную речь. Адресат лирического высказывания также неустойчив: в одном случае это условный Бог или собеседник (*«дорогие сироты»*), в другом – тело, сам субъект, читатель. Такая множественность адресатов усиливает открытость текста, вводит эффект диалогичности [20, с. 59].

Интертекстуальность в поэзии М. Гронаса – еще один способ смыслообразования. Она реализуется не только через цитаты или аллюзии, но и через интонационные, ритмические и стилистические заимствования. Так, в тексте *«Слава снегу! Да святится имя его!»* присутствует пародийная интонация псалма<sup>2</sup> [8], а сам снег превращается в универсальный символ – отсылка сразу к Библии и политическому лозунгу. В других стихах отсылаются интонации к литургическим речитативам, к фольклорным формам, к лексике научной и философской речи (*«смысл современности»*, *«структура тела»* и др.).

Сборник «Краткая история внимания» включает переводы из Рильке, Дю Белле и Целана, но даже вне этих переводов заметны переклички с чужими голосами. Эти включения не выглядят инородными: они ассимилируются и подчеркивают полифоничность сборника. Перевод как форма становится частью авторской стратегии – способ освоения и переработки чужой речи.

Как отмечает А. Марков, интертекстуальность у М. Гронаса – это «не цитатная игра, а способ мышления»; поэт собирает фрагменты утраченного коллективного и личного опыта, стремясь через речь вернуть себе и читателю возможность видеть, слышать, помнить [13]. Специфика его лирического высказывания заключается в его процессуальности, интонационной множественности и открытой структуре. Интертекстуальные связи не только насыщают текст культурными смыслами, но и становятся способом говорения о разрывах, травме, памяти. Они структурируют стих как поле мнемонического действия – речи, восстанавливающей связь с утраченной целостностью.

<sup>2</sup> «Господи! – услышь – молитву мою, внимли – молению моему» (Пс. 142:1): размер, часто встречающийся в плачах, носит название кунах и имеет структуру 3+2...встречаются также размеры 2+2, 4+4, 3+2+2, 2+2+2 и другие, с неоднородностью, существующей внутри единого литературного элемента. «Благословлю Господа во всякое время; хвала Ему непрестанно в устах моих» [Пс 33:2] Размер еврейского текста в переводе, конечно, теряется, но баланс между частями стиха, безусловно, остается [8].

### Повтор как способ смысловой организации поэтики М. Гронаса

Повторы – структурный прием его поэтики. Они сближают тексты с фольклорной, музыкальной, афористической традицией. Эффект не столько закрепление структуры, сколько усиление присутствия: читатель оказывается втянут в ментальное пространство текста, где свое «я» сливается с авторским. В повторе обнаруживается не столько стабильность, сколько колебание, «бормотание» (Барскова), сопровождающее тревогу, сомнение, поиск выхода.

Повтор по структуре может быть:

- точным («забыть значит начать быть/забыть значит начать быть/забыть значит начать быть» [1], «что нажито – сгорело угли»);
- вариативным лексическим повтором<sup>3</sup>(«идёшь идёшь <...> выбираешься» [1], «если оно и поле»);
- синтаксическим (например, «что... что...» [2, с. 55]);

Повтор по месту расположения может быть:

- анафорическим: «был у меня батюшка/была у меня матушка»;
- кольцевым («это так, но это не совсем так/хорони меня не хороня/мы-то знаем то, что знаем мы-то») [2, с. 60];
- смешанным («Кто тебя вымыл, земля земля? Кто тебя вынул, из тьмы изьял» – анафорический и синтаксический) [2, с. 52].

Так, в стихотворении «ПОЧТИ НИЧЕГО НИГДЕ» визуально и звуково наращивается ритм катастрофы и бессилия через репетицию:

«почти / ничего / нигде / почти / ничего / нигде...» [1].

Повтор в стихотворениях Гронаса становится смыслообразующим принципом, он фиксирует цикличность времени, возвращение к травме, невозможность выхода.

### Внутренняя рифма – частный случай повтора

Лексическая простота Гронаса – благоприятная почва для внутренней рифмы. Под *внутренней рифмой* в поэтическом тексте понимается повторяющееся созвучие, объединяющее ритмические группы, из которых по крайней мере одна (иногда и обе) находится внутри строки, чаще всего появляются в цезуре, которая разделяет стих на полустишия [19]. Следует отличать внутреннюю рифму от единичного созвучия внутри строки. Внутренняя рифма – прием, который встречается в тексте регулярно.

Она может строиться на ассонансах, аллитерациях, повторяющихся морфемах или словоформах и выступать как интонационно-смысловая опора стихотворения, в то время как созвучия хаотичны и скорее указывают на музыкальный чуткий слух автора, нежели на осознанный прием.

Согласно определению, принятому в современной стиховедческой традиции, внутренняя рифма функционирует не как декоративный элемент, а как средство семантического и ритмического уплотнения текста. Например, в статье Н. Н. Чайко отмечается, что внутренняя рифма «служит увеличению рифмового коэффициента, расширяет звучность стиха и является средством звукового воздействия, придавая стиху эмоциональность и музыкальность» [3].

В поэтике М. Гронаса внутренняя рифма приобретает статус конструктивного элемента и становится инструментом смысловой организации, особенно в гетероморфном и свободном стихе. Внутренняя рифма работает в связке с неологизмом и звуковой игрой.

Можно выделить следующую типологию внутренней рифмы [19].

1. По созвучию с конечной рифмой:

<sup>3</sup> ВЛП - коммуникативно обусловленное объединение слов или сверхсловных элементов, которые повторяются в тексте не дословно, а с перефразировкой, и развивают основную тему или идею автора.

– совпадающая: «забыть значит начать быть/забыть значит начать быть/забыть значит начать быть» [1], «что нажито — согрело угли»;

– не совпадающая;

– панторифма – все слова в строке рифмуются:

«нырни за ним вневерни меня мненырни за ним вневерни меня мне»

– почти, но сонорные внутри создают «рифму» между за ним/меня [1], «я сегодня остался без тела»;

«как живое серебронегодующих и требующих  
[...]

бьётся льётся вьётся варево

выбирай или вбирай –выговаривай» [1],

«крошки бродят под столом».

2. По месту расположения в строке:

– анафорическая – рифма первых слов в стихах:

Мы поместимся, милый, Мир – поместье любого [2, с. 61];

– полустрочная – четкое обозначение границы между полустигмами, фонетическая связь между стихами.

«кап-кап-кап с тяжелых ветоксолнца кляп в гортани дняэто так, но это не совсем такхорони меня не хороня» [2, с.60];

– смещённая: когда смешается с цезурой между полустигмами:

в Ташкент, подруге я пыталсяпорезать руки бритвой, а мамаше –я показался жалким [1], «вчера моя душа, пока я спал»;

– декламационная: облегчающая декламацию длинной строки: («Нищий встретил нищего говорит пойдём что-нибудь поищем что-нибудь найдём может ночь под днищем лодки проведём» [1], «ПОЧТИ НИЧЕГО НИГДЕ».

3. Смешанный тип:

– разные виды в одном стихотворении:

«дома о домах / люди о людях / рука о руке... / забыть значит начать быть / забыть значит начать быть...» [1], «что нажито — согрело угли».

В сборниках М. Гронаса «Дорогие сироты» и «Краткая история внимания» повторы поддерживают структуру стихотворений через:

- повтор лексемы: «понимаю понимаю» («ага / понимаю понимаю...») [2, с. 54];
- повтор конструкции: «не люби не целуй...» [1].

Поддерживают фонетическое единство через:

- внутреннюю римфу в полустигмах, как в «потому что ртуть разбила градусник/потому что грудь пронзила радуга/потому что потому» [2, с. 60];

Организуют подвижность строфики через:

- внутреннюю рифму, которая организует чтение длинной строки:стихотворение «что нажито – сгорело: угли» [1].

Повторы, в особенности те, что образуют внутреннюю рифму, обеспечивают ритмико-интонационную организацию текста, формируют звуковую целостность, а фонетическая плотность акцентирует внимание. В контексте двух сборников прослеживается постепенное движение от ритуализированной речи и коллективного высказывания к модели созерцательного молчания.

Автор адаптирует приемы так, что они создают эффект присутствия и памяти, позволяют говорить об утрате, сиротстве в интонациях, пронизывающих язык. Поэзия становится пространством мнемонического бормотания. Это позволяет рассматривать указанные приёмы как выразительные средства, задающие внутреннюю динамику поэзии автора.

### Заключение

В ходе работы была исследована и описана поэтика М. Гронаса, выявлены ключевые особенности его творчества, которые позволяют рассматривать поэта как яркого представителя современной русской поэзии с уникальной языковой стратегией. Анализ двух сборников «Дорогие сироты» и «Краткая история внимания» показал, что за двадцать лет поэтика автора изменилась: приёмы и формы остались прежними, но частота использования изменилась, так, в «Краткой истории внимания» автор меньше занимается словотворчеством, чем в «Дорогих сиротах», традиционная метрика вытесняется гетероморфным стихом.

Повтор и внутренняя рифма неразрывно связаны с движением поэтической речи от коллективной и анонимной интонации к личному, сосредоточенному голосу. Это приемы смыслообразования вписывают автора в традицию мировой литературы.

В «Дорогих сиротах» повтор – структурированная форма обращения к другому. В «Краткой истории внимания» повтор – рефлексия, направленная вовнутрь.

Можно отметить, что повторы стали разнообразнее, графическое оформление строже, часто используется курсивный шрифт, который «рябит» [2, с. 10, с. 9, с. 7, с. 21]. Визуальная организация и деление на строфы разной длины активизируют «внимание» как непрерывный многогранный процесс.

Ирония и аллюзии служат автору средствами рефлексии над современностью и языком, что выводит творчество М. Гронаса за рамки чисто лирического опыта, превращая его в интеллектуальный эксперимент, где речевая интонация становится близкой к потоку сознания.

Таким образом, проведенный анализ подтвердил актуальность и необходимость дальнейшего изучения поэтики М. Гронаса в контексте современной литературы, а также обозначил важность понятия «внутренняя рифма» и повтора как значимых инструментов поэтической организации автора.

### Л и т е р а т у р а

1. Гронас М.Б. *Дорогие сироты*. Москва: ОГИ; 2002.
2. Гронас М.Б. *Краткая история внимания*. Москва: Новое издательство; 2019.
3. Чайко Н.Н. Внутренняя рифма как одно из средств звуковой выразительности в языке немецкой поэзии. *Современные исследования социальных проблем*. 2022;4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vnutrennyaya-rifma-kak-odno-iz-sredstv-zvukovoy-vyrazitelnosti-v-yazyke-nemetskoj-poezii>
4. Макарова Л.С. Повтор как признак поэтического идиолекта Жака Превера и особенности передачи повтора в переводе. *Вестник Адыгейского государственного университета*. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2014;140(2). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/povtor-kak-priznak-poeticheskogo-idiolekta-zhaka-prevera-i-osobennosti-peredachi-povtora-v-perevode>
5. Душенко К.В. Михаил Гронас. Наизусть: о мнемоническом бытовании стиха. *Вестник культурологии*. 2012;(4). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mihail-gronas-naizust-o-mnemonicheskom-bytovanii-stiha>
6. Орлицкий Ю.Б. Гетероморфный стих Хлебникова. *Антология поэтов группы Хлебникова*. Том 2. Санкт-Петербург: Русский путь, РХГА; 2005. с. 331–344.
7. Гаспаров М.Л. Свободный стих. *Большая российская энциклопедия*. Том 29. Москва; 2015:562. URL: <https://old.bigenc.ru/literature/text/3541617>
8. Зорн У., Мангано М. *Псалтирь*. Введение в Ветхий Завет. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/konfessii/vvedenie-v-vethij-zavet/15>
9. Барскова П. Почти ничего нигде: похвала отрицанию. *Вавилон*. 2003. URL: <https://www.vavilon.ru/textonly/issue11/barskova.html>
10. Риц Е. Теням ответ. *Новый мир*. 2020;(2). URL: <https://nm1925.ru/articles/2020/02-2020/tenyam-otvet-7398/>

11. Сараев А. Гронас. *Краткая история внимания. Формаслов*. 2020. URL: <https://formasloff.ru/2020/03/01/aleksandr-saraev-gronas-kratkaya-istoriya-vnimaniya/>
12. Оборин Л. *Чернеют орудья и мерзнут ноги*. Горький. 2019. URL: <https://gorky.media/reviews/cherneyut-orudya-i-merznut-nogi/>
13. Марков А. Разговоры в царстве живых. *Textura.club*. 2020. URL: <https://textura.club/razgovory-v-carstve-zhivyh>
14. Вавилон. Михаил Гронас. URL: <https://www.vavilon.ru/metatext/vavilon2/gronas.html>
15. Пикетти Т. *Краткая история равенства*. Пер. с франц. Снопичкая М. Москва: АСТ; 2023.
16. Harari YN. *Sapiens: A Brief History of Humankind*. London: Harvill Secker; 2014.
17. Hawking S. *A Brief History of Time*. New York: Bantam Books; 1988.
18. Премия Андрея Белого: Михаил Гронас. Доступно по: <https://www.premiabelogo.ru/entity/47/mikhail-gronas>
19. Жирмунский В.М. *Рифма: её история и теория*. Ленинград: Госиздат, 1923:192, с.48
20. Крохина Н.П., Волкова Т.Н., Ершова Л.В. М. М. Бахтин о диалогичности слова и культуры. *Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого*. 2019;32(4). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/m-m-bahtin-o-dialogichnosti-slova-i-kultury>

### References

- 1.Gronas M.B. *Dear orphans*. Moscow: OGI; 2002 (in Russian).
- 2.Gronas M.B. *A brief history of attention*. Moscow: New Publishing House; 2019 (in Russian).
- 3.Chaiko N. N. Internal rhyme as one of the means of sound expressiveness in the language of German poetry. *CISP*. 2022(4) (in Russian). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/vnutrennyaya-rifma-kak-odno-iz-sredstv-zvukovoy-vyrazitelnosti-v-yazyke-nemetskoj-poezii>
4. Makarova L.S. Repetition as a sign of the poetic idiolect of Jacques Prevert and the peculiarities of the transmission of repetition in translation. *Bulletin of the Adygea State University. Series 2: Philology and Art Criticism*. 2014;2(140) (in Russian). Available by: <https://cyberleninka.ru/article/n/povtor-kak-priznak-poeticheskogo-idiolekta-zhaka-prevera-i-osobennosti-peredachi-povtora-v-perevode>
5. Dushenko K.V. Mikhail Gronas. By heart: about the mnemonic existence of the verse. *Bulletin of Cultural Studies*. 2012;(4) (in Russian). Available by: <https://cyberleninka.ru/article/n/mihail-gronas-naizust-o-mnemonicheskom-bytovanii-stiha>
6. Orlitsky Y. B. A heteromorphic verse by Khlebnikov. In: Novikov VA, editor. *Anthology of poets of the Khlebnikov group. Volume 2*. Saint Petersburg: Russkiy Put, Russian Academy of Fine Arts; 2005:331–344 (in Russian).
- 7.Gasparov M.L. Free verse. *The Great Russian Encyclopedia*. Volume 29. Moscow; 2015;562 (in Russian). Available at: <https://old.bigenc.ru/literature/text/3541617>
8. Zorn U, Mangano M. The Psalter. An introduction to the Old Testament. (in Russian). Available at: <https://azbyka.ru/otechnik/konfessii/vvedenie-v-vethij-zavet/15>.
9. Barskova P. Almost nothing anywhere: praise for denial. *Babylon*. 2003 (in Russian). Available at: <https://www.vavilon.ru/textonly/issue11/barskova.html>
10. Ritz E. *The answer to the shadows*. A new world. 2020;(2) (in Russian). Available at: <https://nm1925.ru/articles/2020/02-2020/tenyam-otvet-7398/>
11. Saraev A. Gronas. *A brief history of attention. The form word*. 2020 (in Russian). Available at: <https://formasloff.ru/2020/03/01/aleksandr-saraev-gronas-kratkaya-istoriya-vnimaniya/>



12. Oborin L. *The tools turn black and the feet freeze*. Bitter. 2019 (in Russian). Available at: <https://gorky.media/reviews/cherneyut-orudya-i-merznut-nogi/>
13. Markov A. *Conversations in the kingdom of the living*. Textura.club. 2020. Available at: <https://textura.club/razgovory-v-carstve-zhivyyh>
14. Babylon. Mikhail Gronas. Available by: <https://www.vavilon.ru/metatext/vavilon2/gronas.html>
15. Piketty T. *A brief history of equality*. Translated from French. Snopitskaya M. Moscow: AST; 2023.
16. Harari YN. *Sapiens: A Brief History of Humanity*. London: Harvill Secker; 2014.
17. Hawking S. *A Brief History of Time*. New York: Bantam Books; 1988.
18. Andrey Bely Award: Mikhail Gronas. Available at: <https://www.premiabelogo.ru/entity/47/mikhail-gronas>
19. Zhirmunsky V.M. *Rhyme: its history and theory*. Leningrad, Gosizdat, 1923 (in Russian).
20. Krokhina N. P., Volkova T. N., Yershova L. V. M. M. Bakhtin on the dialogicity of words and culture. *Humanitarian Bulletin of Tolstoy State Pedagogical University*. 2019.4(32) (in Russian). Available by: <https://cyberleninka.ru/article/n/m-m-bahtin-o-dialogichnosti-slova-i-kultury>

#### Об авторе

ЧАЙКИНА Виктория Юрьевна – студент 4 курса ФГБОУ ВО «Литературный институт имени А.М. Горького», г. Москва, Российская Федерация, e-mail: [victoriachaykina@yandex.ru](mailto:victoriachaykina@yandex.ru)

#### About the author

Victoriia Yu. CHAIKINA – 4<sup>th</sup> year student, A.M. Gorky Literary Institute, Moscow, Russian Federation, e-mail: [victoriachaykina@yandex.ru](mailto:victoriachaykina@yandex.ru)

#### Информация о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

#### Conflict of interests

The author declares no conflict of interest

Поступила в редакцию 28.06.25 / Submitted 28.06.25

Принята к публикации 19.09.25 / Accepted 19.09.25

– РЕЦЕНЗИЯ –

**Рецензия на книгу «Плач сердца материнского»  
народного поэта Республики Саха (Якутия)  
Ивана Васильевича Мигалкина**

**В. П. Николаев**

Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова,  
г. Якутск, Российская Федерация  
✉ nikolaevvalerian@mail.ru

*Никто не забыт, ничто не забыто*

Книга народного поэта Республики Саха (Якутия) И. В. Мигалкина «Плач сердца материнского» была напечатана в 2011 г. В издание вошли произведения, где повествуется о тяжелых днях, голоде, холоде, жизни и смерти во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Книга начинается со стихотворения 13-летнего школьника Вани Мигалкина «Ахтыабын буойуннары» («Вспомним воинов»), напечатанного в 1969 г. в Усть-Алданской районной газете «Ленинский организатор»:

Охтубуттара уолаттар  
Кыргыс толоонугар,  
Ытаабыта кинилэр  
Унуохтарын үрдүгэр –  
Тыал аргый суугунаан,  
Хатын чаран хамсаан...

На поле брани  
Остались парни.  
Над их могилами  
Всплакнул ветер,  
И роща березовая,  
Звука не издавая...

Автор заканчивает свое стихотворение словами, которые не могут не волновать читателя:

Ытаабыта ийэ сүрүбэ  
Ынырык да сэрии этэ...

Повсюду был слышен  
Плач материнского сердца,  
Шла страшная война...

Далее юный поэт, обращаясь к читателям, напоминает, что на войне никто не забыт и ничто не забыто:

Аабааччыа, өйдөө эрэ ыл, –  
Ааста сүүрбэттэн тахса сыл!

Читатель, вспомни, не забудь,  
Прошло уже двадцать лет!

Бүгүн түмсэ түһүөбүн,  
Сөһүргэстээн, ахтан ааһыабын:  
Кинилэри – буойун саллааттары,  
Кыргыс толоонугар охтубуттары!

Сегодня все соберемся,  
Преклонимся, вспомним:  
Их – воинов храбрых,  
На поле боя павших!

Студент Литературного института И. Мигалкин в стихотворении «Мин көлүөнэм» («Мое поколение», 1974), обращаясь к старшему поколению, просит не укорять нынешнюю молодежь за то, что им не пришлось вынести тяжесть и трудность прошедшей страшной войны. И он воспеваает, как молодежь принимает активное участие в строительстве новой жизни:

Мин көлүөнэм ыччаттара  
 Сэрии диэн тылы  
 Билбэтэхтэрэ ордук,  
 Сэрии ыар ынчыгын  
 Истибэтэхтэрэ ордук,  
 Кинилэр кырыс, оһорбо сири  
 Күөбүнэн чэлгитэллэр,  
 Үйэлэр тыһыынча биэрэстэлэрин  
 Бүгүһүнү күнтэн  
 Кэлэр кэмнэ  
 Дьэргэтэ сүүрдэллэр.

Хорошо, что мое поколение  
 Не знало войны наяву,  
 Не увидело ее, страшную.  
 Они сегодня земли целинные  
 В рай зеленый превращают.  
 Тысячи верст меж веками  
 Накрепко соединяют,  
 Настоящее связывают  
 Со временем грядущим.

Раздел книги продолжают стихотворения поэта И. Мигалкина, окончившего Литературный институт и проходящего службу в рядах Советской армии. Стихи написаны на тему войны и службы в армии: «Саллааттар хаартыскаба түһэллэр» («Солдаты фотографируются»), «Сохуйумаар дуу, ийэкээм» («Не удивляйся же, мама»), «Халлаан доҕордоох поэт кыһынан» («Девушкой-поэтессой, которая дружит с небом», «Үтүө күнүнэн, күндү быраатым» («Добрый день, мой дорогой брат»), «Сэриини утаран» («Я против войны»), «Абынным, абынным хаарбын» («Соскучился, соскучился по снегу»). В них поэт через чувства, переживания и любовь своей матери, родственников, земляков пишет о беде и горе, которые принесла война, и что они никогда не сотрутся из памяти и сердца каждого, кто пережил эти страшные годы. Поэт пишет, что сердца солдат, погибших на войне, как будто превратились в маленькие звездочки и запали в детское сердце. И поэт восклицает:

Мин онтон ылата –  
 Утарар буолтум сэриини! –  
 ... Мүрү алааһым быарынан  
 сүүрдэхпинэ  
 Иннибэр ойор күммүн харыстаан,  
 Кини эмиэ  
 Сулус буола  
 Бытарыйбатын туһуттан.

С тех далеких пор  
 Я против войны!  
 ... Когда бегу по аласу Мюрю,  
 Как бы защищая солнце  
 яркое,  
 Чтобы оно как когда-то  
 Не превратилось  
 В звездочки мелкие.

И. Мигалкин после службы в армии, возвратившись на родину, работал в Момском, Усть-Алданском районах и в г. Якутске. В те годы сердце и душу поэта не покидало чувство утраты, горе прошедшей войны. Он чувствовал незаживающую рану в душе матери, потерявшей на войне своих старших сыновей. У поэта была глубокая благодарность к воинам, отстоявшим свободу и мир на земле. Он продолжал писать стихи про войну: «Ханнык да алгыстан» («Сильнее всех алгысов»), «Саха уолаттара» («Парни саха»), «Эн эмиэ мин курдук уол этин...» («Ты был молодым как я, сейчас...»), «Кыайы күнүгэр» («В День Победы»), «Кустуктар куустуннар алааспын» («Пусть радуги обнимут мой алас»), «Сахам кырдыаҕастарыгар» («Старикам и пожилым, перенесшим войну»), «Кырдыаҕас ийэ долгуһан» («Думы пожилой матери (песня)»), «Күүтүүлээх кыайыны уһансан» («Ковали долгожданную победу (песня)»). Автор преклоняется перед детьми, женщинами, стариками, которые в глубоком тылу на своих хрупких плечах выстояли перед тяготами войны, ежедневным трудом приближали победу над фашизмом. С непроходящей болью в душе и глубокой грустью он вспоминает своего молодого земляка, погибшего на далекой польской земле:

Өйдүөбүн, кинини, тыннаахтар,  
Хараастан, чуумпуран туруобун –  
Бу ыраас халлааммыт анныгар  
Хаһан да уот сэрии буолбатын  
өрүүтүн!  
Эн эмиэ мин курдук уол этин...

Вспомним его мы, живые,  
Молча постоим, погрустим –  
Пусть под небом синим  
Войны не будет никакой  
и никогда!  
Ты был молодым, как я сейчас...

В книгу вошли два стихотворения И. Мигалкина на тему войны, переведенные на русский язык В. Бугровым «Якуты мои» и В. Дмитриевой «Письма». Переводы стихотворений сделаны весьма удачно, четко передаются авторский замысел и идея произведений. Стихотворения И. Мигалкина поэтически тонко, отчетливо и громко зазвучали на русском языке.

Книгу завершают произведения известных русских поэтов на военную тематику, которые были переведены И. Мигалкиным. Им созданы переводы на якутский язык стихотворений К. Симонова «Жди меня, и я вернусь», А. Прокофьева «Мне о России надо говорить», С. Смирнова «В звуках марша траурного тонет...», М. Светлова «Весна», Н. Тихонова «Когда уйду – совсем согнется мать...», А. Твардовского «Лежат они, глухие и немые...», Н. Старшинова «Руки моей любимой», В. Кочеткова «В сожженной деревне», «Хлеб войны», «Из дневников, писем и записных книжек», К. Эзизова «Венок сонета»: «Второй сонет», «Третий сонет». Тема войны, затронутая авторами, в переводе И. Мигалкиным на якутский язык зазвучала в новых оттенках, полностью передавая чувства и мысли поэтов, в большинстве своем участников войны.

Следует отметить, что в поэтическом сборнике И. Мигалкина стихотворения поэта на военную тематику удачно скомпонованы, полностью раскрывают замысел автора, его отношение к войне. Эти стихотворения, безусловно, волнуют каждого своим содержательным накалом, яркими и глубокими художественными образами. Все это подкрепляется, затягивается в один крепкий узел памяти бессмертными стихотворениями о войне известных русских поэтов.

Вторая часть книги состоит из 24 публицистических материалов разных жанров: очерков, заметок, газетных статей журналиста, публициста И. Мигалкина. Этот большой по объему интересный раздел, насыщенный блоком информативного материала на военную тематику, начинается с очерка «Лөгөй тойон удьуордара – сэриигэ» («Потомки Легой Тойона на войне»). Здесь в виде справки И. Мигалкин обращается к своей родословной.

Родословная ветвь Мигалкиных начинается с Ивана Емельяновича Мигалкина – князя и головы Борогонского улуса, который является прямым потомком исторической личности, предводителя борогонских якутов Легой Тойона, сыгравшего решающую роль в процессе присоединения якутов к Московскому государству.

От Нокто, сына Легой Тойона родился Кэдиэй, от которого – Хааһах Матыаска, после крещения нареченный Петром. От его сына Емельяна берет начало фамилия Мигалкины и, соответственно, род Мигалкиных. Все они в документах тех лет были записаны как представители «поколения князей, управлявших Борогонским улусом». От четырех сыновей князя Емельяна Петровича Мигалкина (1730–1779) трое были избраны головами Борогонского улуса, из которых широко известны Степан и Иван Емельяновичи Мигалкины.

По инициативе и непосредственном участии и руководстве И. Е. Мигалкина в 1827 г. в Якутской области была создана Степная дума. Так, он стал законным предводителем инородцев. Степная дума занималась упорядочиванием сбора от местного населения ясака и других податей и повинностей, ведением статистики численности инородцев, общественного богатства. Кроме того, она составляла

ходатайства в различные структуры власти о той или иной пользе инородцев, вела работу по распространению хлебопашества. Образованный и талантливый руководитель И. Е. Мигалкин организовал Мюрюнскую ярмарку, где был избран старостой. Более того, Якутская Степная дума 3 июля 1830 г. провела историческое «Совещание семи якутских улусов» с участием 482 делегатов. Совещание составило ряд ходатайств Царю, далеко превосходящих полномочия Думы.

Из потомков Легой Тойона в дореволюционное время было много князей и голов, которые, продолжая дело своих прославленных предков, работали во благо развития своего наслега, улуса, области. На заре советской власти, в период строительства нового общества, Мигалкины приняли активное участие в строительстве социализма, и как образованные люди работали учителями, инженерно-техническими работниками и т. п.

Много братьев Мигалкиных погибло на фронтах Великой Отечественной войны: учитель Николай Дмитриевич Мигалкин (1902–1942), в 1920 г. принявший участие в создании первичных ячеек большевистской партии в Борогонском, Мегинском, Ботурусском улусах, в дальнейшем окончивший в Москве Коммунистический университет трудящихся Востока, успешно работавший на руководящих советско-хозяйственных должностях; в 1930-х гг. получивший высшее образование в Москве и ставший инженером; капитан Василий Спиридонович Мигалкин II (1902–1942); офицер Николай Васильевич Мигалкин (1921–1944), с юных лет писавший стихи, которые печатались в литературно-художественном журнале «Чолбон», учитель с высшим образованием, преподаватель Чурапчинского педагогического техникума Афанасий Семенович Мигалкин–Болонский (1917–1943).

И. Мигалкин написал стихотворение «Кустуктар куустуннар алааспын» («Пусть радуги обнимут мой алас»), посвященное светлой памяти 29 братьев Мигалкиных, сложивших головы во имя свободы на земле и победы над фашистской Германией. Нам кажется правильным и уместным привести здесь все стихотворение:

Итинник ырааһы олоххо  
Киллэрбэт аналым кэлбитэ –  
Тус арбаа барбытым тылланан  
Өстөөбү сууһарар туһуттан.

Согласно моим желаниям светлым –  
Отправился я добровольцем  
На запад с врагом биться.

Ийэккэм атаара хаалбыта  
Истинник далбааты турбута, –  
Нарынник алааһым салгына  
Баттахпын имэрийэн ылбыта.

У коновязи мать провожала,  
Прощаясь, она долго стояла,  
Легким дуновением воздух аласа  
По волосам моим нежно прошелся.

Төрөөбүт алаастан арахсыы,  
Тапталлаах добору хаалларыы –  
Мин уйан сүрэҕим долгуйан  
Мээнэҕэ сангарбат тыллара.

Расставание с аласом родным  
И с любимой, единственной  
Сердце мое разрывало,  
Не было слов утешений.

Хатыннар, санныардык туттуман,  
Долгуннар, харааста сүүрүмэн,  
Итинник тыллары этиэбин  
Эдэркээн сүрэҕим баҕарта...

Березы милые, не горюйте,  
Волны, не бегите с грустью,  
Такие слова сказать захотело  
Тогда сердце мое молодое...



Кыайынан эргиллэн кэлиэҕим –  
Хайаан да төрөөбүт алааспар.  
Кыргыһы уотуттан ордоммун  
Олоххо тардыстыым күүһүнэн...

Ол бэйэм хаанынан суунаммын  
Хараҕым сабыллан эрдэҕэ, –  
Быраһаай, күн сирым, быраһаай,  
Сүтэрдин сүүрбэлээх уолчаангын!

Саас ахсын ньургуһун тыллаҕа –  
Ол дыргыл сытыгар иниэҕим,  
Мутукча лабаата буоламмын  
Алааспын күөбүнэн симиэҕим.

Ийэккээм, мин өллүм, быраһаай, –  
Арай

Олоххо тапталым суоһунан  
Кустуктар куустуннар алааспын,  
Чыычаахтар кыыс нарын уоһунан  
Дьиэрэтэ туойдуннар мин ааппын.

Вернусь с победой долгожданной –  
В родной алас обязательно,  
Оставшись целым в пекле бойни,  
Чтобы жизнь нашу продолжить.

Но вот я лежу весь окровавленный,  
Умираю, глаза мои закрываются, –  
Прощай, родная земля, прощай,  
Ты потеряла сына двадцатилетнего!

Весной долгожданной сольюсь,  
С нежным запахом подснежника,  
В ветку зеленую превращусь,  
Алас родной зелению украшу.

Мама милая, я умираю, прощай! –  
Но

Пламенной любовью к жизни  
Пусть радуги мой алас обнимут,  
Нежными устами девушки  
Обо мне птички воспоют.

Стихотворение датировано 1974–1990 гг. Можно предположить, что автор в течение 16 лет не один раз возвращался к стихотворению и вносил изменения, где он каждое слово, каждую мысль пропускал через сердце и душу. И. Мигалкин этим стихотворением поставил нерукотворный памятник своим родственникам, павшим на войне, и через них всем тем, кто не вернулся с войны...

Вошедшие в книгу все 24 публицистических текста посвящены ратному подвигу солдат и офицеров-земляков на фронтах войны и тех, кто безукоризненно работал в тылу.

В заметках «Тарымнаайы үрэҕин сэргэтэ» («Сэргэ на речке Тарымнаайы») И. Мигалкин отмечает, что количество коновязей-сэргэ по необъятным просторам Якутии много. В честь 40-летия Победы на речке Тарымнаайы было поставлено сэргэ, имеющее большой размер (толщина около 1 м, высота – 4 м). На середине коновязи на железном листе высечены имена 11 воинов из Чаранской бригады Хоринского наслега Усть-Алданского улуса, не возвратившихся с фронта. Так их имена увековечены, о них помнят, ими гордятся.

В материалах «Солбуллубат бастын тракторист, комбайнер этэ...» («Был незаменимым лучшим трактористом и комбайнером»), «Маппыгыча» («Марфуша») и «Баскыа барахсан баара буоллар» («Если была бы жива милая Прасковья») повествуется тяжелая довоенная и суровая военная жизни супругов Марфы Ивановны, Василия Васильевича Гуляевых и их близкого родственника Прасковьи Ивановны Бурцевой. В. В. Гуляев еще до войны работал в родном колхозе, и возвратившись с фронта в 1946 г. до ухода из жизни, не отрывая рук с железных рычагов, работал трактористом и комбайнером. И. Мигалкин подчеркивает, что все они были незаменимыми тружениками, внесшими свой вклад на алтарь победы. Автор от всего сердца выражает им благодарность, пишет, что нынешнее поколение гордится ими.

Журналист и публицист И. Мигалкин был лично знаком с героями своих публикаций «Сир-дойду дьигиһийэр сэриитигэр...» («На разрушительной тяжелой войне»), «Дьон олобун араҥаччылаан» («Оберегая жизнь людей»), «Эйэлээх олох тойуксута» («Певец мирной жизни»), «Саллаат өрүү саллаат» («Солдат всегда солдат»), с усть-алданцами: кавалером ордена Отечественной войны I-й степени, ордена славы III-й степени, девяти боевых медалей М. Н. Ушницким, участником войны, ветераном милиции Г. В. Мигалкиным, прошедшим боевой путь от Сталинграда до Праги, награжденным двумя орденами Красной Звезды, медалями за освобождение европейских городов Л. П. Новогодиным, принявшим участие в освобождении много деревень и городов солдатом П. И. Кривошапкиным.

Из этих 24-х материалов три по своей информативности будут интересны и полезны многим читателям. Так в заметке «Барыны-бары өтө көрбүт уолчаан» («Мальчик, предвидевший все») И. Мигалкин живо рассказывает о Леве Федотове, обладавшем даром предвидения. Так он указал дату начала Великой Отечественной войны и уверенно сказал, что хотя немецкие войска вначале займут много городов и деревень, но Москву и Ленинград немцам окружить не удастся. Так и было. Он также был коллекционером и талантливым художником. Лев Федотов героически погиб на фронте в 1943 г.

«Панфиловец, поэт, коллекционер» – заметка И. Мигалкина об участнике войны, его преподавателе в отделении поэзии Литературного института им. М. Горького, известном поэте С. Смирнове. Хотя у него было тяжелое детство, много трудностей и сложностей в дальнейшем, С. Смирнов прожил интересную, плодотворную, успешную жизнь. В его семинаре обучалось 16 студентов из разных республик Советского Союза, он сказал им незабываемые слова: *«Всегда будьте вместе с народом, поделите поровну все радости, трудности и тяготы родного народа»*. Эти глубокомысленные слова, высказанные поэтом, гражданином, патриотом своей родины запали в юные, молодые души и стали путеводной звездой в их жизни.

Заметка «Полк уола» («Сын полка») о юном участнике войны, ставшем офицером Советской армии В. И. Лошакове, с которым студент Литературного института Ваня Мигалкин встретился и познакомился в Москве в день Победы у Большого театра. У Виталия Лошакова детство было военное, трудное. В войну он стал сыном полка. Благодаря упорству, силе духа, помощи и поддержке старших друзей и товарищей он стал офицером – защитником родины. В. И. Лошаков говорил своему юному другу: *«Ваше поколение счастливое. Но вы не должны никогда не забывать тех, кто отстоял вашу мирную жизнь. Вы должны им поклониться и ими гордиться»*. Эти слова сироты войны, перенесшего голод и холод, тяготы и трудности, сына полка, офицера, без сомнения, стали поводом написать Ивану Мигалкину такие строки:

Уйбааннар, Ньюкулайдар,  
Сэмэннэр, Өлөксөйдөр, Баһылай-  
дар... –  
Соһуччу булсуһан куустуһаллар,  
Сарын-сарыннарын таптайаллар...  
Кыргыз хонуутугар охтубут  
Доботторун ахтаннар,  
Характарын уутун кистээбэккэ  
Ытыллар – олох сыанатын билбит,  
Эйэлээх олох иһин хааннарын  
тохпут ветераннар.

Иваны, Николай,  
Семены, Алексеи, Василии... –  
Обнимаются, встретившись вдруг,  
Хлопают друг друга по плечу...  
Вспоминают однополчан, друзей,  
В бою жестоком павших,  
Не стыдятся слез нахлынувших,  
Они, знающие цену жизни,  
За мир и покой на земле,  
Кровь проливавшие ветераны.

Здесь следует подчеркнуть, что книга И. Мигалкина «Ытаабыта ийэ сүрэбэ» («Плач сердца материнского»), составленная из весьма интересных, жизнеутверждающих материалов на военную тематику, бесспорно, является ответом к вышеприведенному обращению его старшего товарища В. И. Лошакова молодому поколению, имевшего счастье не увидеть войну, не участвовать в ней.

Очерк «Саха уолаттарынан киэн тутталлар» («Гордятся парнями саха») начинается с рассказа, как в 1969 г. пятнадцатилетний подросток во время сдачи вступительных экзаменов в Вилуйское педагогическое училище с восторгом и гордостью прочитал в газете информацию о том, что его земляку, поэту Сергею Васильеву за балладу «Улуу Ильмень» («Великий Ильмень») присудили Государственную премию Якутской АССР по литературе и искусству им. П.А. Ойунского. Далее И. Мигалкин пишет: «Впоследствии, 23 февраля 1974 г.

*я побывал в старинной Новгородской земле – Старой Руссе, где с большим трепетом и волнением в душе поклонился первому памятнику из мрамора, поставленному в честь воинов-якутян...». Когда он с поникшей головой стоял у подножия памятника вдруг из глубины души и сердца вырвались немеркнущие строки С. С. Васильева-Борогонского:*

Мин туруум –  
Аһылаах дьоннорум ааттарын  
чиэһигэр  
Албаннаах кыайыларын күлүмүн  
иэһигэр –  
Кырдыаҕас тулаайах ийэттэн, аҕат-  
тан,  
Кылыстыы кылбанныыр эдэркээн  
ыччаттан,  
Кый ыраах Ленаттан, долгуйар Ам-  
маттан,  
Кырыалаах Дьааныттан, көмүстээх  
Алдантан,  
Төнүлү күөлүттэн, киэн Ньурба  
ыалыттан,  
Төрөөбүт сирбиттэн – солко күөх  
Суоттуттан  
Төбөбүн ханкыта!  
Сибэкки быраҕа!

Я встану –  
В честь имен, по которым горюю,  
В блеске их побед славных в бою –  
От матерей и отцов, потерявших  
сыновей,  
От молодежи блестящей и счастли-  
вой,  
От далекой Лены, красавицы Амги,  
Золотого Алдана, инеем покрытой  
Яны,  
С озера Тюнгюлю, с просторной  
Нюрбы,  
С моей родины – Соттинцев, зеле-  
нью покрытой,  
Голову преклоняя!  
Цветы кладя!

Далее И. Мигалкин приводит один душераздирающий случай, произошедший на этой земле во время войны. Как рассказала женщина средних лет в феврале 1943 г. в их двор вошел совсем молоденький солдат с перебитыми руками. Он на своем родном языке что-то говорил, по русски не разговаривал (по утверждению женщины он был якут). Когда ее мать хотела перевязать раненого солдата вдруг во двор зашли немецкие солдаты. Они раненому солдату перебили обе ноги и таскали по двору. Немцы застрелили маму женщины. Когда читаешь эти строки И. Мигалкина, невольно подкатывает комок в горле, едва сдерживая вдруг нахлынувшие слезы... Этот молоденький солдат был чьим-то сыном, может быть, единственным... Погибая от рук ненавистного врага, он наверняка распрощался с родной матерью, с родиной, с родным аласом: «Быраһаай, күн сирим, быраһаай, / Сүтэрдин сүүрбэччэлээх уолчааннын! / Ийэккээм, мин өллүм, быраһаай!» (Прощай, родная земля, прощай, / Ты потеряла сына двадцатилетнего! / Мама милая, я умираю, прощай!).

В заметке «Сардангалаах кыайыны уһансан» («Ковавшие Великую Победу») И. Мигалкин рассказывает о своих преподавателях в Литературном институте – участниках войны и о 18 якутских писателях, принявших участие в войне. Здесь И. Мигалкин приводит слова Эллая, в которых он как всегда точен и поэтически выразителен: *«Мин бардым бухатыыр эһэлэрим аартыктарын арыян» («Я отправляюсь по следам моих дедов-ботуров»).*

«Берлнтэн кэлбит тэтэрээт» («Тетрадь из Берлина») – очерк о том, как довоенный ученик, участник штурма и взятия Берлина Г. П. Крылов своему учителю В. Н. Мигалкину (*отцу Ивана Мигалкина – ВН*) в качестве подарка и в знак благодарности привез из разрушенного, поверженного немецкого логова Рейхстага трофейную тетрадь. В. Н. Мигалкин в этой тетради писал конспекты, лекции преподавателей. Фотоснимок листа этой тетради с текстом напечатан на обложке книги и привлекает внимание читателя красивым, ровным почерком хозяина тетради В. Н. Мигалкина.

Статья «Дууһатын сылааһын – доботторугар» («Тепло души – друзьям») рассказывает об участнике войны, награжденном орденами Красного Знамени и Отечественной войны II-й ст., многими медалями, заслуженном учителе Якутской АССР с 52-летним педагогическим стажем А. И. Федорове. И. Мигалкин со слов А. И. Федорова пишет, как известный поэт Н. Глазков, побывавший много раз в Якутии, три раза посетил село Борогонцы. И. Мигалкин здесь особо подчеркивает, что Н. Глазков сыграл большую роль в выходе якутской поэзии на арену литературы Советского союза.

Статья «Үйэлэргэ ахтыллыа – Сылааба Сэмэн» («Навеки не забудется Слава Семен») посвящен рассказу о том, как уроженец Мегино-Кангаласского района, ветеран войны и труда, участник штурма Берлина и взятия Рейхстага, кавалер орденов Славы II-й и III-й ст. и Отечественной войны I ст. и многих боевых медалей С. М. Дмитриев – Сылааба Сэмэн принял участие в 1945 г. в параде воинов Советской армии в Берлине и в параде на Красной площади в 2000-м г., посвященном 55-летию Великой победы. При прочтении этой статьи сердце невольно наполняется гордостью за воинов-якутян и твердой уверенностью, что их славные имена не забудутся никогда.

И. Мигалкин в статье «Малгиннар чороонноро» («Чорон Малгиных») живо рассказывает об одном изделии – о чороне Малгиных, вырезанного из кости искусным косторезом, участником войны, народным художником РСФСР и ЯАССР Т. В. Аммосовым. Один из нескольких фарфоровых чоронов «Малгиных», олицетворяющий образ матери – якутской женщины, потерявшей на войне пятерых сыновей Ф. Н. Малгиной, достался И. Мигалкину от его старшего брата Н. В. Мигалкина. И этот удивительно красивый чорон стал одним из редких и ценных экземпляров богатой коллекции И. Мигалкина.

В статье «Эдьийим I съезд делегата этэ» («Моя сестра была делегатом I съезда») поэт повествует о ветеране советского и колхозного строительства, делегате I съезда трудящихся женщин Якутской АССР, состоявшегося в 1925 г. в г. Якутске. Рассказ о П. В. Мигалкиной, посвятившей свои молодые годы укреплению и развитию советского строя, автор завершает следующими строками: *«Прасковья Васильевна Мигалкина имела твердый характер, не мирилась с недостатками и упущениями в работе, имела светлую душу, была доброжелательной. Ее жизнь и трудовая деятельность будут примером для будущих поколений».*

В краткой заметке «Номоххо киирбит буойун» («Воин, ставший легендой») и статье «Первый боевой орден моего земляка», опубликованной братом И. Мигалкина Александром Мигалкиным в газете «Эрдэнэт» Монголкой

Народной республики в 2009 г., рассказывается о майоре, заместителе командира танкового полка, кавалере двух орденов боевого Красного Знамени, трех орденов Красной Звезды, ордена «За боевые заслуги» Монголии, многих боевых медалей, в жизни ставшей легендой Д. Д. Оллонове.

В материалах «Кыраһыабай майгылаах бастын ыччатынан ахтыллар» («Вспоминают его как лучшего представителя молодежи»), «Сэмэй майгытынан, үрдүк культуранан биллэрэ» («Был известен скромным поведением и высокой культурой»), «Сэрии ветерана П. С. Шепелев» («Ветеран войны П. С. Шепелев») И. Мигалкин представляет своих земляков, участников войны, прошедших через огонь и пламя жестоких сражений, в мирной жизни, трудившихся, отдавая все свои силы. Здесь И. Мигалкин при помощи художественного слова создает портреты П. Е. Матвеева, окончившего Якутскую национальную военную школу, лейтенанта, командира взвода, участника освобождения Сталинграда, П. П. Аммосова – участника разгрома милитаристкой Японии, воина П. С. Шепелева, два года по фронтовым дорогам преследовавшего и громившего врага.

*«Каждый раз как прочту балладу-поэму яркого и талантливого якутского поэта Сергея Васильева «Ытык Ильмень» («Священный Ильмень»), становлюсь по-детски уязвимым и раздумываю о жизни, которая человеку дается один лишь раз, с глубоким сожалением и досадой в душе вижу: широкие долины и снежные поля России, седые хребты Кавказских гор, европейские города, опаленные жарким пламенем войны. Вижу, как там воюют якутские воины, как погибают они от пуль вдали от родного аласа...», – пишет И. Мигалкин.*

В заключение можно отметить, что книга И. В. Мигалкина «Плач сердца материнского» (2011) по особенностям тематики, времени действий, ярких и незабываемых образов и обилию интересной информации, бесспорно, привлекает к себе внимание читателя. Эта книга особо актуальна в год 80-летия Великой победы, своевременна и тем, что 2025 год в России объявлен годом Защитника Отечества, в нашей республике – защитника Родины. Книга будет незаменимым пособием для патриотического воспитания детей, молодежи на примере старшего поколения – участников Великой Отечественной войны. Поэт, журналист, публицист Иван Васильевич Мигалкин своей книгой «Плач сердца материнского» как будто высказал нынешнему поколению свое заветное желание: «Пусть войны не будет, пусть кровь не прольется!», «Никто не забыт, ничто не забыто!».

#### Об авторе

НИКОЛАЕВ Валериан Парфеньевич – д. м. н., магистрант Института языков и культуры Северо-Востока Российской Федерации, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова», AuthorID: 517597, SPIN-код: 8861-2340, e-mail: nikolaevvalerian@mail.ru

#### About the author

Valerian P. NIKOLAEV – Dr. Sci. (Medicine), Master's student, Institute of Languages and Culture of the North-East of the Russian Federation, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, AuthorID: 517597, SPIN-код: 8861-2340, e-mail: nikolaevvalerian@mail.ru



**ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЛИТЕРАТУР**  
**Электронное научное периодическое издание**  
**3 (19) 2025**

Технический редактор *Н. В. Дмитриева*  
Компьютерная верстка *В. А. Максимова*  
Оформление обложки *П. И. Антипин*

Подписано в печать 30.09.2025  
Формат 70×108/16.  
Дата выхода в свет 30.09.2025